

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ 4 р. — к.

Отдѣльн. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ 8 р. —

на 9 мѣсяцъ 6 р. —

на 6 мѣсяцъ 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границою

на годъ 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Новарской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ — Сиб.,
Новарской пер. д. 5, кв. 11, а
также въ книж. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ — въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ — въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ — въ книжн. ма-
газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНІЕ: Сибирь на похоронахъ И. С. Тургенева. — Хроника. — Корреспонденціи: Изъ Вѣрнаго, Сыръ-Дарьинской области, Иркутска, Енисейска и Ачинска. — Многоземелье и податной вопросъ. — Письмо въ Редакцію. Л. Ф. Пактелмеда. — Вокругъ Свѣта (экспедиція Г. Н. Потанина). — Дивиливанія дикарей. (Фельетонъ). Семилужинскаго. — Хроника жизни за недѣлю. — Объявленія.

СИБИРЬ НА ПОХОРОНАХЪ ТУРГЕНЕВА.

Вчера, 27-го сентября, совершены въ Петербургѣ похороны И. С. Тургенева. Среди многочисленной процессіи съ вѣнками, шедшей за гробомъ находились депутаціи отъ «сибирской печати» и отъ «восточныхъ сибиряковъ». Сибирскую печать выражали три редакціи: «Восточное Обозрѣніе», «Сибирская Газета» и «Сибирь». Вѣнокъ редакцій состоялъ изъ густой кедровой зелени, усыпанной иммортелями и цвѣтами, внутри находился вѣнокъ изъ цвѣтовъ съ надписью серебряными буквами на черномъ бархатѣ «Сибирская печать», а подъ нимъ изъ иммортелей «И. С. Тургеневу». Вѣнокъ восточныхъ сибиряковъ также былъ изъ кедра и съ внутреннимъ изящнымъ металлическимъ вѣнкомъ, гдѣ была надпись «Отъ Восточной Сибири». Эти вѣнки имѣла при себѣ депутаціи. Кроме того былъ вѣнокъ отъ учащейся сибирской молодежи и преимущественно казанскихъ и петербургскихъ студентовъ сибиряковъ, а также и курсистокъ.

За депутаціями слѣдовала сибирская молодежь, которая по преимуществу несла и вѣнки.

Редакціонный вѣнокъ, какъ и другіе, былъ возложенъ на могилу великаго писателя.

Другъ русскаго народа, талантливѣйшій представитель его, служитель благородныхъ идей, пусть прахъ твой приметъ дань уваженія и горячій поцѣлуй отъ отдаленной страны нашей!

Вѣсть о кончинѣ Тургенева облетѣла Европу, отозвалась на всѣхъ концахъ Россіи и достигла отдаленнаго Востока. Образованная Европа и Парижъ съумѣли повѣсть потерю для образованнаго міра симпатичнѣйшаго и благороднаго писателя. Мыслитель Ренанъ и писатель Эдмондъ Абу говорятъ рѣчи надъ его гробомъ.

Съ особеннымъ благоговѣніемъ Россія и русское общество приняли дорогой прахъ, видя въ покойномъ олицетвореніи

лучшихъ своихъ стремленій. Тургеневъ мало того что былъ великій писатель и художникъ, онъ олицетворяетъ собою борьбу человѣческой идеи. Въ Россіи онъ стоялъ на рубежѣ двухъ литературныхъ поколѣній. Родившись и идя объ руку съ борцами за идею, какъ Бѣлинскій, въ своихъ произведеніяхъ онъ предчувствуетъ зарю освобожденія народа изъ подъяга крѣпостнаго права, переживаетъ вмѣстѣ съ этимъ народомъ освободительный моментъ, въ лучшую эпоху онъ становится поэтомъ русскаго возрожденія и рисуетъ типъ гражданина, онъ воспринимается критикой новаго поколѣнія въ лицѣ Добролюбова. Какъ стоялъ при жизни, такъ и послѣ смерти онъ ложится между этими писателями, выражая связь двухъ литературныхъ поколѣній. Принадлежа къ поколѣнію старѣйшему послѣ 60-хъ годовъ, онъ переживаетъ острую драму русскаго жизни, переноситъ ее въ душѣ своей, колеблется, мучится, несетъ удары то съ одной, то съ другой стороны, но въ концѣ выходитъ торжествующій и соединяетъ вокругъ себя симпатіи всего русскаго общества. Умирая, онъ вѣритъ глубоко въ общечеловѣческой идеалъ, въ человѣческой прогрессъ, въ лучшую судьбу Россіи, онъ умираетъ честнымъ, независимымъ писателемъ, не становясь ненавистникомъ печати и той среды, изъ которой вышелъ, поэтому къ его гробу тянутся живыя поросли и сыплются цвѣты юныхъ поколѣній. Все лучшее, все интеллигентное, все дорожащее робкой притаившейся русскаго мысли, окружило гробъ его.

Образованное общество не можетъ не чувствовать этой потери. Телеграфъ принесъ извѣстія, что общество отдаленной Сибири также почтило его память панихидами въ нѣсколькихъ городахъ. Мы уполномочены были положить вѣнки отъ Сибири и мѣстной печати на могилу великаго покойника.

Въ чемъ же заключается связь наша? Сибирское образованное общество, и молодая поколѣнія его также воспитались на твореніяхъ Тургенева. Сибирь, не знавшая крѣпостнаго права, живѣе, чѣмъ кто-либо могла сочувствовать его нѣжной любви къ народу, симпатіямъ къ крестьянству и честной открытой мысли. Страна будущаго, страна про-

сыпавшихся силъ, она чутко начинаетъ прислушиваться къ идеѣ человѣческаго прогресса.

Недавно еще Сибирское общество полуневѣжественное, полусознательное, безъ всякихъ признаковъ интеллигенціи, слабо отзывалось умственной жизни Россіи. Щаповъ будилъ это общество по поводу юбилея Ломоносова. Теперь мы видимъ нѣсколько большее участіе его и болѣе сознательное отношеніе, что составляетъ добрый признакъ.

Въ странѣ, гдѣ жизнь погружена въ матеріальные интересы, гдѣ нѣтъ еще высшихъ стремленій, гдѣ царитъ невѣжество и рабское угодничество, гдѣ одинъ кумиръ—золотой телецъ, тамъ болѣе чѣмъ гдѣ либо необходимо развить человѣческое достоинство и водрузить иной кумиръ—человѣческой геній, человѣческую мысль. Краю, гдѣ писатель гонимъ, гдѣ онъ опозоренъ и униженъ, полезно видѣть примѣръ какъ отдають честь въ другихъ мѣстахъ человѣческому генію.

Можетъ быть, будетъ время, когда сибирское общество доживетъ до своего поэта и пророка, который также олицетворитъ ея духовныя стремленія, научитъ мыслить и любить, какъ и вѣрить въ свое будущее.

ХРОНИКА.

Недавно вышелъ отчетъ западно-сибирскаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества за 1882 годъ. Къ концу отчетнаго года въ отдѣлѣ состояло 109 членовъ. Дѣятельность отдѣла въ 1882 г. главнымъ образомъ выразилась: засѣданіями (семь въ теченіе года), учеными экспедиціями нѣкоторыхъ его членовъ и изданіемъ IV книги „Записокъ“. Въ 1882 г. предприняты были, на средства отдѣла, четыре экспедиціи: Н. П. Григоровскаго—для изслѣдованія крестьянской колонизаціи Васюганской тундры, К. И. Голодниковъ—для раскопки нѣкоторыхъ кургановъ Тобольской губерніи, В. А. Лебединскаго—для ботаническаго описанія Тарскаго округа и В. М. Краузе—на Алтай.

При отправленіи въ Васюганскую тундру, г. Григоровскій писалъ, что заселеніе тундры ведется около 20 лѣтъ, но заселеніе тайное, крестьянами-раскольниками, живущими въ верховьяхъ р. Васюгана и по ея притокамъ цѣлыми деревнями. Привести въ извѣстность эти поселенія официальнымъ путемъ чрезвычайно трудно; командированный съ такою цѣлью нарымскій засѣдатель едва спасся оттуда, преследуемый ружейными выстрѣлами. Найти поселенцевъ можно только частному человеку. Взять туда возможно только лѣтомъ, взявши въ Нарымѣ или Каргасокѣ лодку и нанявъ въ передній и обратный путь бывавшихъ тамъ рабочихъ съ запасами на все лѣто. Зимой же невозможно даже достать проводника, такъ какъ всѣ мѣстные жители уходятъ тогда въ лѣсъ на звѣриный промыселъ. Григоровскій о своей поѣздкѣ представилъ отдѣлу подробный отчетъ съ топографической картой Васюганской тундры.—Сообщеніе Голодниковъ о раскопкахъ Тобольскихъ кургановъ напечатано въ IV книгѣ „Записокъ“ отдѣла.—Лебединскій, кромѣ переданныхъ имъ въ отдѣлъ почти 400 видовъ растений, затѣмъ небольшихъ коллекцій птицъ и насекомыхъ, составилъ для слѣдующей книжки „Записокъ“ ботаническое описаніе Тарскаго округа. Наконецъ, г. Краузе, кромѣ представленнаго имъ подробнаго отчета о своей экскурсіи, готовитъ для „Записокъ“ отдѣла статьи—объ Устькаменогорскомъ уѣздѣ въ статистическомъ отношеніи, о ичеловодствѣ на Алтай и о взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и инородцевъ на Алтай.

Въ концѣ 1882 года вышла IV книжка „Записокъ“ отдѣла. Тутъ помѣщены, между прочимъ, отчетъ Н. М. Ядринцева о поѣздкѣ его на Алтай въ 1880 г., бытовые и этнографическіе очерки Нарымскаго края Григоровскаго и статья Шостаковича о промыслахъ Нарымскаго края.—Въ числѣ различныхъ предпріятій отдѣла отмѣтимъ, что послѣдній, вслѣдствіе письма Г. Н. Потанина, обратилъ внима-

ніе на собраніе инородческихъ сказокъ и легендъ, въ виду большаго значенія ихъ для исторіи вѣрованій. Отдѣлъ также оказалъ свое содѣйствіе въ предпріятіи проф. В. В. Докучаевымъ изслѣдованіи сибирскаго чернозема отсылкою образцовъ почвы для анализа въ императорское вольно-экономическое общество.—Единственными денежными средствами отдѣла для выполненія разныхъ предпріятій заключаются въ правительственной субсидіи, выдаваемой ежегодно въ количествѣ 2,000 рублей.

Мы получили слѣдующую замѣтку отъ г. Павлова: Въ запискахъ западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, Н. П. Григоровскій, о производствѣ инородцами Нарымскаго края холста изъ крапивы, говоритъ, что это производство здѣсь существовало лѣтъ около двадцати назадъ. Но я полагаю, что оно существуетъ и нынѣ. По крайней мѣрѣ, бывши въ нарымскомъ краѣ въ 1876 году, я еще засталъ его, хотя въ весьма незначительномъ развитіи. Образцы крапивныхъ волоконъ, нитокъ и холста мною были переданы И. И. Игнатьеву въ Тюмени, вмѣстѣ съ другими произведеніями остяковъ и самоѣдовъ. Если производство крапивнаго холста исчезаетъ, то это еще не доказываетъ, чтобы инородцы перешли къ выдѣлкѣ холста изъ конопли или льна, которые не произрастаютъ на сѣверѣ Западной Сибири, а также и того, чтобы крапивный холстъ мѣстнаго издѣлія былъ вытѣсненъ дешевой привозною конопляною или льняною холстомъ, чего не существуетъ. Зная нѣсколько бытъ инородцевъ, можно съ сожалѣніемъ отнестись къ прекращенію утилизаціи крапивы; скажемъ болѣе, эксплуатація этого растенія желательна была бы и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ сѣвера. Крапивный холстъ, видѣнный мною, слишкомъ грубъ для бѣлья даже нетребовательнаго инородца, но онъ годится для другихъ нуждъ крестьянскаго хозяйства. Такъ мы видѣли въ сѣверныхъ приобскихъ селеніяхъ довольно прочныя половики изъ крапивнаго холста, окрашеннаго мареной (растеніе).

Недавно было сообщено въ петербургскихъ газетахъ объ открытіи знамени Ермака въ Березовѣ, и снятіи съ него рисунка. У насъ было помѣщено извѣстіе, что знамя Ермака перевезено нынѣ въ Омскъ. Что касается его открытія, то открывать его было нечего, и новость эта неправильно понята въ Петербургѣ. Знамя извѣстно, съ него существуютъ снимки. Извѣстно оно было по крайней мѣрѣ лѣтъ двадцать назадъ, при чемъ одинъ изъ тобольскихъ губернаторовъ имѣлъ даже съ него рисунокъ. Относительно-же принадлежности его Ермаку предстоить еще сдѣлать историческія изслѣдованія.

Намъ пишутъ изъ Туркестана о „поднадзорныхъ“ нижнихъ чинахъ, высланныхъ въ Туркестанскій край. Такихъ поднадзорныхъ не мало здѣсь. Поднадзорные эти принадлежатъ къ числу учащейся молодежи, разновременно высланной въ Архангельскую и другія губерніи, и затѣмъ призванной къ отбыванію воинской повинности; между ними есть нѣсколько студентовъ замѣшанныхъ въ „студенческихъ исторіяхъ“ и въ тоже время подозрѣваемыхъ въ политической неблагонадежности. Также встрѣчаются между ними воспитанники юнкерскихъ училищъ.

Такия лица высланы на исправленіе. Всѣ они размѣщены по самымъ отдаленнымъ фортамъ Туркестанскаго края, какъ напр., въ Нарынѣ, Нукусѣ, Бахтахъ и другихъ. Подъ строжайшимъ присмотромъ проходитъ поднадзорный этапнымъ порядкомъ 2, 3 тысячи верстъ, гдѣ нѣшкомъ, гдѣ верхомъ, на верблюдѣ или на мулѣ. Идти приходится песчаными степями, на скудномъ содержаніи, такъ какъ кормовыхъ денегъ казна отпускаетъ только 12 к. въ сутки.

Прибывъ въ свою часть (какуюнибудь мѣстную команду), такой молодой человекъ, посланный на исправленіе, встрѣчаетъ далеко неласковый пріемъ.

Сколько лѣтъ надо служить молодымъ людямъ, они и сами часто не знаютъ, такъ напримѣръ, нѣкоторымъ изъ нихъ согласно устава о воинской повинности срокъ службы давно уже миновалъ, а ихъ все еще не освобождаютъ, и они до сихъ поръ тянутъ тяжелую солдатскую ляжку. Сами „поднадзорные“ и ихъ переписка находится подъ строгимъ контролемъ и имъ не безъ затрудненія удается обмѣниваться письмами со своими родственниками и знакомыми. Между

молодыми людьми встрѣчаются къ сожалѣнію личности, которыхъ изгнаніе, тоска по родинѣ, неудовлетвореніе насущныхъ потребностей, довели до того, что они сдѣлались горькими, но такихъ очень не много.

Поднадзорные несутъ службу такъ же, какъ и прочіе солдаты: ходятъ на ученіе, посылаются въ караулы, назначаются на смотры и на парады. Начальникъ части каждую третью посылаетъ аттестацію о ихъ поведеніи, образѣ мыслей и т. п. Не такъ давно газеты намъ сообщили, что большинство поднадзорныхъ Архангельской и другихъ губерній уже освобождены согласно Высочайшаго манифеста, другимъ же сокращены и точно опредѣлены сроки. Поднадзорные Туркестанскаго края также ждутъ распространенія на нихъ параграфа XIV Высочайшаго Всемилостивѣйшаго манифеста. Будетъ-ли облегчена участь ихъ, это вопросъ для многихъ изъ нихъ весьма существенный; тѣмъ болѣе, что эти молодые люди присланы на исправленіе, т. е. на временное пребываніе.

У насъ была помѣщена въ № 32 корреспонденція изъ Ишима, представлявшая печальное положеніе ветеринарнаго дѣла въ округѣ. Теперь мы получили поясненіе о положеніи сибирскаго ветеринарнаго врача, находящагося въ самыхъ безвыходныхъ условіяхъ. Никакая энергія здѣсь не помогаетъ. При эпидеміяхъ ветеринаръ принужденъ обращаться въ губернскую врачебную управу, онъ требуетъ медикаментовъ, инструментовъ и т. д., но получаетъ молчаніе и выговоры. Иногда самая процедура высылки этихъ медикаментовъ составляетъ скорѣе проѣздъ. Требуется напр. шприцъ иравада и iodojodi для подкожнаго впрыскиванія и что же? іодъ высылается черезъ 3 мѣсяца, а про шприцъ сказано, что онъ очень дорогъ для управы. Ветеринарный врачъ между тѣмъ безъ лекарствъ находится одинъ, на 3 округа, во всѣхъ трехъ округахъ надежи разомъ. Что тутъ сдѣлаешь? Кромѣ того ветеринарному врачу часто оказываютъ сопротивленіе и невѣжество и злоупотребленія. Скотъ сгоняютъ на молебны гуртомъ, торговцы покупаютъ шкуры падшаго скота и дѣйствуютъ въ стачкѣ съ засѣдателями, такъ что предупредить этого врачу не возможно.

Таково же положеніе врача въ Ишимскомъ округѣ. Дѣятельность мѣстнаго ветеринара Брехова отличается честностью и энергіей, достойной поощренія, къ сожалѣнію только она ломается и парализуется въ виду обрѣжающихъ условій.

Мы получили слѣдующую исторію одного сибирскаго благотворительнаго учрежденія. Начальникъ губерній отличался самыми лучшими намѣреніями, вздумалъ реформировать и призвать къ жизни и дѣятельности одно изъ нашихъ обществъ съ благотворительными задачами, погруженное съ самаго своего основанія въ гипнотическій сонъ. Такъ какъ въ такихъ обществахъ душа всего дѣла—секретарь, то г. губернаторъ и предложилъ на этомъ мѣстѣ подходящаго по его мнѣнію человека, юриста. Но дѣло не выгорѣло. Замѣшалась тутъ Некрасовская „Марья Львовна“. Въ секретари потребовался поэтому не человекъ дѣла, а „кавалеръ дѣла“, каковой и нашелся безъ затрудненій въ лицѣ одного душки. Общество осталось по прежнему погруженнымъ въ пирвану. Предсѣдательницѣ однаконельзя отказать въ энергіи. Она увеличиваетъ средства общества, и съ этою цѣлью прежде устраивала спектакли, гдѣ въ роляхъ князей, бароновъ и маркизовъ, переважно фигурировали канцелярскіе служители съ ухватками сибирскихъ приказныхъ. Какъ они были авантажны, какъ похожи и какъ потѣшали публику,—этого невозможно описать. Играла и сама предсѣдательница «съ жаромъ». Публика усердно ей аплодировала. Ничего не подѣлаешь служба! Теперь она устраиваетъ общественныя гулянья въ саду, съ танцами иногда, и съ неперемѣннымъ участіемъ въ нихъ «гамадридовъ».

Изъ Благовѣщенска пишутъ, что Нордстремъ, совершившій убійство 25 прошлаго декабря, не смотря на возмущившую всѣхъ сплосходительность слѣдователя В., судомъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки на Сахалинъ; но полиціймейстеръ, онъ же и слѣдователь, не приводитъ въ исполненіе рѣшенія суда, и убійца пользуется полною свободою, тѣмъ болѣе, что г. Е. далъ ручательскую подписку въ сохранности его, и въ обезпеченіе внесъ 2 т. рублей. Событіе это сильно возбуждаетъ умы жителей Благовѣщенска потому что убійца Нордстремъ и ранѣе извѣстенъ былъ разными

ми неблаговидными поступками. Арестанты, тронутые заступничествомъ г. Е. за Н. и снятая свои преступленія, въ сравненіи съ дѣлами Нордстрема, сущими шалостями, говорятъ, намѣрены обратиться къ г. Е. съ просьбой заступиться и за нихъ, хотя бы безъ залога.

Изъ Війека сообщаютъ намъ о перемѣщеніи въ г. Барнауль мѣстнаго врача А. Н. Недвѣдкаго. Молодой врачъ этотъ въ теченіи 7 лѣтъ успѣлъ заслужить любовь и расположеніе бійцевъ, особенно онъ дѣятельно работалъ при городской больницѣ, основанной бійскимъ купцомъ А. В. Соколовымъ. Каковъ-то будетъ новый врачъ и сумѣетъ-ли оказать услуги городу и обществу, какъ его предшественникъ, этимъ вопросомъ занято мѣстное общество.

Многіе города Сибири жалуются на аптечную монополию. Въ городѣ О двѣ аптеки одного хозяина, причемъ другая, какъ уверяютъ, открыта на имя подставнаго лица. Аптекарская такса и эксплуатація въ полномъ ходу. Въ послѣднее же время изобрѣтены въ этихъ аптекахъ весьма остроумный способъ приготовить мази на стеариновыхъ огаркахъ.

Въ Иркутскѣ возвратилась недавно особа женскаго пола, игравшая ранѣе огромную роль въ администраціи и въ замѣщеніи разныхъ мѣстъ. Будучи взята изъ увеселительнаго пансіона, она достигла замѣчательной высоты. Такіе примѣры на окраинахъ не рѣдкость. Подобныя дамы попадали въ начальницы учебныхъ заведеній. Дѣвица, сосланная по дѣлу Зона, долго играла первую роль въ амурскомъ городѣ, тоже чуть не начальница. Двѣ какія-то странныя дѣвицы по происхожденію и роду изъ петербургскихъ Мѣщанскихъ въ Семипалатинскѣ заняли первые ряды въ аристократіи и вышли за чиновниковъ. Представьте себѣ какъ это вліяетъ на нравы и воспитаніе общества. Каково положеніе жонъ, матерей и дочерей мѣстныхъ жителей. Да, сибирская добродѣтель иногда пускается «кувыркомъ» съ самыхъ верхнихъ ступеней общественной лѣстницы!

На дняхъ, ожидается выходъ въ свѣтъ уже нанечатаннаго собранія стихотвореній нашего сибирскаго поэта И. В. Омуревскаго.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

Городъ Вѣрный (Корресп. „Вост. Обозр.“). Въ приказѣ по области Семирѣченскаго военнаго губернатора (23 іюня № 106), обозрѣвавшего южные уѣзды области, между прочимъ, обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее: 1) „По денежной части одного изъ уѣздныхъ управленій я усмотрѣлъ, что сборы по селеніямъ, по подписнымъ листамъ на изданіе грузинскихъ учебниковъ весьма значительны и одно изъ крестьянскихъ селеній пожертвовало на устрояемую въ г. Ташкентѣ нѣмецкую кирку до 130 руб. Такое явленіе довольно странно пожертвовавшими столь крупную сумму денегъ крестьянамъ ближе всего было бы выписать для своихъ дѣтей учебники роднаго языка и позаботиться объ устройствѣ своей школы и своей православной церкви. Эти факты наводятъ на мысль, что жертвователи бываютъ мало знакомы съ тѣмъ предметомъ, на который приносятся ими даванія, иногда въ довольно значительномъ размѣрѣ. Я никакъ не могу предполагать, что крестьяне, жертвуя деньги, увлекаются распространеніемъ грузинскихъ учебниковъ и лютеранскихъ храмовъ по лицу земли русской, и скорѣе вижу въ этомъ только непониманіе ихъ, на что именно они жертвуютъ деньги, почему предлагаютъ уѣзднымъ начальникамъ втолковывать крестьянамъ чрезъ старшихъ и смысленныхъ людей о значеніи того предмета или дѣла, на которое они приглашаются къ пожертвованію“. 2) „Въ Исыкъ-Кульскомъ *) уѣздѣ дѣло устройства школъ находится еще въ зачаточномъ состояніи и не дано доселѣ толчка со стороны мѣстной ад-

*) Это тотъ-же уѣздъ, о которомъ и выше говорится.

министраціи къ начинанію въ этомъ отношеніи. Такія сравнительно обширныя и богатыя селенія, какъ Сазановка, Преображенское, Теплоключинское и Сливкино не имѣютъ ни единой школы и не упоминаютъ даже объ ихъ устройствѣ. Если принять во вниманіе, что недавніе выходцы изъ Кашгара, Каракунузскіе **) дунгане заводятъ у себя русскія школы, то медлительность крестьянъ вышеупомянутыхъ селъ, живущихъ на этихъ мѣстахъ болѣе десяти лѣтъ по устройству у себя школъ, совершенно непростительно, и я приглашаю уѣзднаго начальника настоять на постройкѣ школъ, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ большихъ селахъ Исыкъ-кульскаго уѣзда, на общественный счетъ. Какъ видно, бывшій уѣздный начальникъ полковникъ Курковскій, имѣвшій уже указаніе о постройкѣ школъ съ начала семидесятыхъ годовъ, не сдѣлалъ рѣшительно ничего въ этомъ отношеніи за все свое долготѣнее управленіе Исыкъ-кульскимъ уѣздомъ; въ то время, какъ гражданственность въ сосѣднихъ уѣздахъ развивалась, въ Исыкъ-Кульскомъ жизнь, судя по этому и другимъ примѣрамъ—не шла впередъ—и находилась какъ бы на точкѣ замерзанія.

Подобныя циркуляры наводятъ семирѣченца на многія размышленія о прошломъ, когда эти сборы пожертвованій на стипендіи и т. п. составляли какую-то манію. Кому неизвѣстно, что всякія пожертвованія, даванія, сборы и поборы съ народа и т. п. вѣкогда недобровольны, особенно если они съ насъ и не для насъ. Они всегда искусственны, болѣе или менѣе насильственны, смотря по степени беззащитности—можно сказать, той среды, съ которой взимаются; болѣею частію они производятся „страха ради, ради Иудейска“, во избѣжаніе „непріятностей“ какъ выражаются, со стороны власти или вліяніе имущихъ. Подначальствующіе играютъ въ эту игру изъ угожденія начальствующимъ, не говоря уже о томъ, что при податныхъ взиманіяхъ, посредствомъ подписныхъ листовъ, прежде всего остается неизвѣстнымъ, сколько было роздано подписныхъ листовъ и сколько возвращено оныхъ. Неслужилыя лица, общественники иногда принимаютъ на себя инициативу подписокъ на то или другое дѣло также изъ одного желанія отличиться, выставить себя на показъ или угодить великому лицу на счетъ другихъ, причѣмъ надежды на полученіе медалей играютъ не малую роль. И при этомъ не обращается вниманія на значеніе самого предмета: все равно, хоть на грузинскіе учебники, хоть на стипендію бусому коту. Интересно бы знать какое представленіе имѣли тѣ бѣдные киргизы, обѣдѣвшіе отъ скотскаго падежа и повальныхъ болѣзней о предметѣ даванія, съ коихъ во время оно собирали деньги (да ужъ конечно безъ всякихъ подписныхъ листовъ) на театръ въ Омскѣ или на стипендіи Кауфмана?

Не только азіаты, но и русскій-то народъ смотритъ на всякіе частныя поборы, какъ на невзбѣжный налогъ, отъ котораго никуда не уйдешь, а уклонишься, такъ „бѣды наживешь“. Исключеніе изъ этого, и то слабое, составляетъ то, когда дѣйствительно сознается въ обществѣ своя общественная потребность, каковою и бываетъ школа, когда почувствовали уже, что дѣйствительно не худо бы ребятъ поучить грамотѣ, а въ другое селеніе или въ городъ отправлять ихъ далеко и неудобно. Да и къ такому дѣлу относятся не всѣ одинаково рачительно, смотря по матеріальному благосостоянію и нравственнымъ принципамъ каждаго субъекта. Оно бы хорошо, говорить или думать другой, да нельзя ли эту самую школу „на счетъ казны“ учинить. Не малое исключеніе составляетъ въ народѣ также у насъ одинъ предметъ, это сборъ на церковь, производимый постоянно совершенно свое-

образно, не чрезъ начальство, не чрезъ волостныхъ писарей, а чрезъ почтенныхъ выборныхъ стариковъ, съдыхъ какъ луны, идущихъ пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукѣ, съ кружкою и иконою на груди. Тутъ ужъ если кто кладетъ лепту въ кружку, такъ кладетъ безыскусственно, и кладетъ бѣдный по силамъ, гроши да копѣйки. А вѣдь на подписной то листъ грошь не положишь.

Между тѣмъ изъ этихъ грошей создаются храмы Божіи и преимущественно созданы всѣ они такъ. Лѣтъ 20 тому назадъ, я припоминаю случай, гдѣ на православный храмъ далъ крупную лепту татаринъ, чему отчасти я самъ былъ нечаяннымъ содѣйствователемъ. Въ городѣ Тарѣ я былъ знакомъ съ исправникомъ г. С.; а такъ какъ я велъ такое дѣло, что у меня было до 500 рабочихъ, то очень естественно, что г. С. обратился ко мнѣ съ маленькою просьбою: помочь сборомъ на церковь въ деревнѣ Сѣдельниковой, гдѣ жители не очень многочисленны и очень небогаты, а между тѣмъ деревня отдѣлена верстъ на 80 отъ всякихъ селеній, да и съ ними то сообщеніе по едва проходимымъ лѣсамъ и болотамъ, такъ что по неудобству дороги ребятъ не крестятъ по году и больше. Грошвыя сборы идутъ чрезъ посыльныхъ стариковъ съ кружками уже много лѣтъ, но накопили денегъ что-то очень мало еще.

Я конечно принялъ участіе, и, встрѣтившись вечеромъ съ г. С. въ клубѣ, говорю: „Давайте сейчасъ подписной листъ, тутъ соберемъ кое-что съ этихъ картежниковъ (говорю шутя), да не грошами“.

Дѣйствительно, кто пять, кто десять, а кто и меньше, живо подписали и надавали порядочную сумму, но не помню теперь—сколько. За однимъ карточнымъ столомъ въ числѣ прочихъ сидитъ А. Н. А — нѣ, — магометанинъ, извѣстный своею благотворительностью бѣднымъ мусульманамъ. Я и ему говорю: что же Вы — то, А. Н., давайте и Вы. Всѣ прыснули, подиался хохотъ. Онъ же скромно, но серьезно посмотрѣлъ на насъ, вытащилъ сторублевую, подаетъ: „Что же вы смѣетесь, — говорить, — я знаю, что это общество очень бѣдное, деньги они прсятъ на доброе дѣло, а отъ добрыхъ дѣлъ я еще не отказывался“. Конечно, намъ стало не совсѣмъ ловко, всѣ встали, извинились и благодарили его. Урокъ поучительный!

Изъ Сыръ-Дарьинской области. (Корресп. „Вост. Обозр.“). 1-го сентября назначенъ съѣздъ волостныхъ старшинъ киргизъ и уѣздныхъ начальниковъ Сыръ-Дарьинской области, а также старшинъ и уѣздныхъ начальниковъ Акмолинской области; цѣль съѣзда — проведеніе правильной границы между областями. Строго определенной границы здѣсь до сихъ поръ не существовало, вслѣдствіе чего между кочевниками общихъ областей происходили крупныя недоразумѣнія, возникала вражда оканчивавшаяся нерѣдко ссорами, грабежами и даже убійствами. Акмолинскіе кочевники перебирались на зиму къ Сыръ-Дарьинскимъ, Сыръ-Дарьинскіе-же перебирались на лѣто къ Акмолинскимъ и тѣснили другъ друга, такъ ведется и велось изстари, пока наконецъ новый начальникъ М. Г. Черняевъ не нашелся положить конецъ всѣмъ ссорамъ и недоразумѣніямъ.

Съѣздъ этотъ, какъ вообще подобныя съѣзды, случающіеся впрочемъ очень рѣдко, имѣетъ весьма торжественный характеръ. Каждый волостной старшина беретъ съ собою юрту и поднимается на 4 или 5 верблюдахъ и везетъ съ собою обильное угощеніе, — уѣздные начальники поднимаются на 7 или 10 верблюдахъ, берутъ до двухъ юртъ и богатѣйшій достарханъ (угощеніе), такъ напримѣръ, берутъ 5, 7 пудовъ кишмишу, столько же урюку нѣсколько пудовъ фисташекъ миндаля, пудъ сахару, 5 фунтовъ чаю, вино (даже шампанское) и различныя сласти и закуски.

*) Токмакскаго уѣзда.

Ух Засѣданіе открывається цѣлымъ рядомъ „т о м а ш е й“ (пиршествъ), затѣмъ уже приступаютъ къ дѣлу; толкуютъ, спорятъ, уговариваются только киргизы, а начальники слѣдятъ за порядкомъ преній, за законностью, и утверждаютъ, санкціонируютъ выработанныя сѣздомъ постановленія. Сѣзды пастоящій продлятся мѣсяца полтора. Такая поѣздка каждому уѣздному начальнику обойдется по малой мѣрѣ въ 300 рублей.

Отсутствие правильныхъ границъ—явленіе въ туркестанскомъ краѣ самое обычное, дающее поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ крупнымъ недоразумѣніямъ и невозможности собирать правильно статистическія свѣдѣнія. Здѣсь даже неизвѣстны точно территоріи уѣздовъ, а количество земли, занимаемой уѣздомъ, опредѣляется приблизительно. Разумѣется, что при существующихъ условіяхъ невозможно имѣть точную цифру народонаселенія, невозможно наблюдать за правильнымъ взносомъ податей, отбываніемъ различныхъ повинностей, имѣть точныя свѣдѣнія объ урокахъ, о скотоводствѣ и о многомъ другомъ.

Въ Россіи каждая волость, каждое село строго размѣрено, имѣетъ правильныя границы и планъ. Въ туркестанскомъ краѣ, какъ говорится, „баба мѣрила клюкой, да махнула рукой“, нѣтъ здѣсь ни границъ, ни плановъ,— а во всемъ какая-то безграничная неурядливость и неряшество, по издавна заведенному безпорядку.

Такъ въ Перовскомъ уѣздѣ (да и во многихъ другихъ) ни одна волость не имѣетъ опредѣленной границы, а тѣ приблизительныя границы, которыя существуютъ, часто мѣняются, чуть-ли не при каждомъ выборахъ; дѣлается это такимъ образомъ: выбираютъ волостного старшину — положимъ 600 кибитокъ хотятъ выбрать какого-нибудь Базарбая, 600—же его не хотятъ; если уѣздный начальникъ благоволяетъ Базарбаю, то онъ 100 кибитокъ, протестующихъ отрѣзываетъ къ сосѣдней изъ сосѣдней же волости; такъ какъ прирѣзная сотня Базарбая не знаетъ, а на своего кандидата рассчитывать не можетъ, то невольно переходитъ на сторону Базарбая, получается 700 кибитокъ, а противъ него только 500, но чтобъ прирѣзать или урѣзать сотню кибитокъ, необходимо прирѣзать или урѣзать землю, слѣдовательно измѣнить границу волости. Вслѣдствіе такихъ измѣненій дошли до того, что въ одной волости живутъ киргизы разныхъ волостей.

Иногда же киргизы добровольно, или лучше сказать, самовольно перебираются на землю чужой волости, и выселить ихъ оттуда очень трудно, да такое выселеніе врядъ ли обошлось бы безъ вооруженной силы, что можетъ вызвать бунтъ.

Въ настоящее время въ царской волости Перовскаго уѣзда, хотя и считается до 7000 душъ, но вся территорія волости занята почтовыми дорогами, и гдѣ эти 7.000—одинъ только Аллахъ вѣдаетъ!

Иркутскъ (Корресп. „Вост. Обозр.“). Вамъ извѣстны изъ газетъ многіе распоряженія и циркуляры новаго управляющаго губерніей, генерала Носовича. Это—личность, пользующаяся вполне заслуженнымъ уваженіемъ. Въ немъ видно искреннее желаніе принести пользу краю. Это человѣкъ честный, и доселѣ нѣтъ слуховъ, чтобъ онъ вошелъ въ какія либо близкія сношенія и кумовство съ нашими монополистами и кулаками, у которыхъ много разныхъ дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, и которые, состоя въ родствѣ съ мѣстными тузами, облегчаютъ себѣ этимъ разныя продѣлки и злоупотребленія. Напротивъ, какъ извѣстно, новый начальникъ гражданскаго управленія пробовалъ бороться съ мѣстными безпорядками и укоренившимся зломъ.

Особенно много труда и хлопотъ представляютъ земская и городская полиція, гдѣ при полномъ потворствѣ злоупотребленіямъ,

существуетъ рядомъ и величайшее безправіе и пренебреженіе закономъ. Недавно здѣсь, напримѣръ, полиція задерживала незаконно людей, садила больныхъ въ полицейскую каталажку и держала ихъ тамъ недѣлями, дѣлала нападенія на дома, причемъ разъ была даже ранена беременная женщина, а также производилось растѣненіе по тюрьмѣ,—и все это сходило полиціи съ рукъ, благодаря поддержкѣ полиціймейстера и особо оказываемой ей протекціи. Генераль Носовичъ не могъ сочувствовать многимъ изъ безобразій и произволу, творящемуся въ Иркутскѣ, но въ свою очередь былъ безсиленъ искоренить незаконіе. Для этого нужно знать наши порядки и тѣ пружины, которыя поддерживаютъ зло. Отсутствие самостоятельности въ гражданскихъ дѣлахъ и невольная зависимость, при самомъ искреннемъ желаніи возстановить законность, останавливаютъ энергическую дѣятельность и заставляютъ дѣлать уступки окружающей средѣ. Но если въ городахъ, по необходимости и благодаря разнымъ протекціямъ свыше, приходится терпѣть различныя кумовья, отличающихся безчинствами, какъ недавно бывший у насъ полицейскій чинъ Т., то въ уѣздахъ такая терпимость и ошибки въ назначеніяхъ исправниковъ, окружныхъ судей и т. п. могутъ отразиться просто ужасно. Примѣры такихъ назначеній бывають и теперь. Выдающійся изъ нихъ—назначеніе въ несчастный Киренскій округъ исправникомъ К—го, уже уволеннаго разъ отъ должности исправника за разныя и многія художества. За К—мъ, говорятъ, въ забайкальскомъ областномъ правленіи имѣется больше 10 дѣлъ, все тоже по обвиненію его въ художествахъ. Но особенно всѣхъ поразило, а киренцевъ даже привело въ уныніе, назначеніе все въ тотъ же обездоленный округъ, окружнымъ судьей, нѣкоего О—кина, болѣе чѣмъ 70-лѣтняго старика, отрѣшеннаго не такъ давно отъ должности иркутскаго окружнаго судьи и преданнаго суду. Про него рассказываютъ страшныя вещи, особенно по поводу опеки его, когда онъ былъ еще иркутскимъ судьей, надъ однимъ мальчикомъ, который умеръ отъ голода, холода и этой опеки. Теперь онъ также опекаетъ и Киренскій округъ. Вѣдь окружный судья—первое лицо въ округѣ онъ даже выше исправника. Нечего и говорить о безпорядкахъ въ волостяхъ, поддерживаемыхъ подобными лицами. Начальнику губерніи, при личныхъ обозрѣніяхъ губерніи и во время поѣздокъ, то и дѣло приходится наткаться то на растрату общественныхъ капиталовъ (напримѣръ, въ идинской степной думѣ), то на всевозможныя злоупотребленія исправниковъ, засѣдателей, волостныхъ писарей и другихъ півявцъ Сибири. Въ крайнихъ случаяхъ, при усиленныхъ просьбахъ населенія, все взысканіе ограничивается тѣмъ, что г. губернаторъ слегка пожуритъ виновныхъ, которымъ это—какъ горохъ къ стѣнѣ. Почти никто не увольняется и никто, даже изъ самыхъ прямыхъ и дерзкихъ взяточниковъ, не преданъ до сихъ поръ суду. По прежнему у насъ царствуетъ и доканчиваетъ раззореніе бурятъ знаменитый тайша-богачь-ростовщикъ П—овъ; по прежнему остаются и исправникъ К—цовъ, и засѣдатель И—ловъ, и почти всѣ прежніе „дѣятели“, административные и другіе. Впрочемъ, надъ К—цовымъ по поводу новыхъ его злоупотребленій (междудворныя лошади и хозяйственные припасы при отношеніи волостнаго правленія) недавно было назначено слѣдствіе. Слѣдователемъ посланъ былъ одинъ плохой слѣдователь, распространяющійся болѣе о своихъ способностяхъ на словахъ, чѣмъ обнаруживающій эти способности на дѣлѣ, и притомъ самой сомнительной нравственности. Слѣдствіе это, по обыкновенію всѣхъ слѣдствій противъ К—цова, кончилось ничѣмъ, т. е. не передано въ судъ. А К—цовъ получилъ новое, весьма видное порученіе, которое заставляло желать лица вполне безупречнаго. Во время личныхъ ревизій губерніи, г. Носовичъ иногда не принимаетъ прошеній на злоупотребленія...

тѣмъ крайне огорчаетъ крестьянъ и повергаетъ ихъ въ отчаяніе, какъ, напримеръ, балаховскихъ крестьянъ. Во время ревизій и объѣздовъ начальства по губерніи, у насъ подается масса жалобъ со стороны крестьянъ. Къ сожалѣнію, они не всегда принимаются къ свѣдѣнію, а между тѣмъ, писаніе этихъ прошеній обходится весьма дорого населенію. Балаховскіе крестьяне Иркутской губерніи уплатили одному поселенцу 47 р. за написаніе прошенія губернатору. Прошеніе это почему-то не удалось подать. Можно себѣ представить отчаяніе крестьянъ! Да, исканіе правосудія обходится слишкомъ дорого сибирскому крестьянству. Начальникъ губерніи, вникающій близко въ нужды населенія и прислушивающійся къ его жалобамъ можетъ сдѣлать не мало добра. Какъ бы ни были мѣстные обстоятельства неблагоприятны, какъ бы бюрократія ни возставала на смѣлыхъ, но борьба честнаго чловѣка всегда будетъ поддержана лучшей частью общества. Вотъ почему генералу Носовичу, уже заявившему себя честными и благими стремленіями, приходится пожелать твердости и успѣха въ борьбѣ съ окружающими его неблагоприятными условіями.

Енисейскъ (корр. „Восточн. и Обзор.“). Пароходы, бывшіе въ Туруханскомъ краѣ, на дняхъ возвратились съ рыбою, которой привезено достаточно*), но цѣны не особенно низки. Погода въ Туруханскомъ краѣ, по свѣдѣніямъ пароходовладельцевъ, была очень хорошая, теплая и сухая, такъ что есть надежда на приходъ кораблей съ моря. На дняхъ же возвратился съ Ангары г. Калистратовъ, възвизшій туда, по приказанію г. Сибирякова, на встрѣчу инженеру г. Руненбергу, который плылъ изъ Иркутска на суднѣ г. Пашковского, съ цѣлью ознакомленія съ Ангарою и ея порогами для того, чтобы узнать какое паровое судно требуется условіями этой рѣки. Отсюда онъ, вмѣстѣ съ гг. Калистратовымъ и Вардропперомъ, отправляется въ Тюмень, чтобы тамъ представить А. М. Сибирякову свои проекты на постройку пароваго судна для плаванія по Ангарѣ. Изъ нихъ г. Руненбергъ предполагаетъ построить пароходъ по новой американской системѣ—съ заднимъ колесомъ. Пароходъ долженъ быть доставленъ къ веснѣ въ Енисейскъ и здѣсь собравъ съ тѣмъ, чтобы идти вверхъ по Ангарѣ. Г. Руненбергъ предполагаетъ доставить его изъ заграницы, а другіе приготовить его въ Тюмени на мѣдномъ механическомъ заводѣ г. Вардроппера. Недавно сюда приходилъ еще катеръ г. Васильева**) изъ Красноярска, но съ какою цѣлью неизвѣстно; во всякомъ случаѣ появленіе и уходъ его обратно по тому пути, по которому еще нѣтъ правильныхъ рейсовъ, заставляетъ предполагать какія-то попользовенія или попытки со стороны нашихъ богатыхъ людей.

Ачинскъ (корресп. „Восточнаго Обзорня“). То, что для Европейской Россіи, пользующейся благодѣяніями гласнаго суда, составляетъ уже область преданія, то для насъ—увѣ! осязаемый тяжелый фактъ. Вотъ напримеръ, эпизодъ изъ уголовной хроники нашего богоспасаемаго града: Въ февралѣ 1877 года, ачинская мѣщанская вдова Фекла Журавлева обратилась съ прошеніемъ въ губернской судъ по части суда мѣстнаго объ оскорбленіи ея роднымъ сыномъ, Афанасіемъ. Оскорбленіе это по громкимъ, подобраннымъ фразамъ подлиннаго прошенія заключалось въ томъ, что Журавлевъ, забывъ стыдъ и страхъ Божій, заглушивъ въ себѣ голосъ природы, обязующій къ повиненію волѣ родительской, дерзнулъ нанести ей, просительницѣ, 60-лѣтней старухѣ, не только самыя послѣднія ругательства, но и побои, повергшіе ее въ отчая-

ніе и болѣзнь. Поэтому, руководствуясь ст. 730, кн. II, т. XV зак. уголов. суд. изд. 1857 г. Журавлева просила подвергнуть преступнаго сына уголовной ответственности, нынѣ же заключивъ его подъ стражу. Прошеніе это губернскимъ судомъ было уважено и, по постановленію его на 23 февраля, мѣщанинъ Афанасій Журавлевъ былъ заключенъ въ ачинскій городской острогъ. Между тѣмъ истребованное судомъ объясненіе отъ обвиняемаго обнаружало не только лживость прошенія Журавлевой, но и злонамѣренность его, направленную къ исключительной цѣли—отстранить Афанасія Журавлева отъ участія въ наследствѣ послѣ отца, которое, выжившая изъ ума просительница, пьяная, развратная старуха, расточала совмѣстно съ зятемъ своимъ, столоначальникомъ ачинской городской ратуши, канцелярскимъ служителемъ П.—скимъ, женатымъ на сестрѣ Афанасія. Не имѣя никакихъ основаній оттереть Афанасія отъ львиной доли въ наследствѣ по закону, г. П.—скій, какъ истый сибирскій юзъ, нашелъ лазейку въ приведенной выше статьѣ закона, по которой отъ родителей по принесенной на дѣтей жалобѣ не требуется доказательствъ и подстроилъ сумасшедшую старуху на подачу подобной просьбы. И вотъ 22-хъ-лѣтняго юношу, женатаго всего не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ времени, берутъ отъ родительскаго дома, отъ родной пашни, отъ молодой жены и по буквѣ закона бросаютъ въ острогъ, въ среду закоренѣлыхъ преступниковъ и изверговъ всякаго рода. Тщетныя всевозможныя просьбы заключеннаго и самыя ходатайства мѣстнаго общества объ освобожденіи: губернское начальство упорно по буквѣ же закона, отказывается отъ разсмотрѣнія обстоятельствъ дѣла. Напрасно вмѣшивается въ судьбу невиннаго узника и губернской прокуроръ Долгушинъ*), ходатайствуя передъ губернаторомъ о немедленномъ освобожденіи Журавлева изъ подъ стражи. Не помогаетъ и это ходатайство: отказъ мотивируется неудобствомъ ослаблять власть и дѣйствіе судебного мѣса и подрывать значеніе родительскаго авторитета. Такимъ образомъ, дѣло тянется до 28 января 1878 г., когда въ камерѣ острога, гдѣ содержался Журавлевъ обнаружилась поддѣлка фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Можете себѣ представить въ какомъ безвыходномъ положеніи очутился несчастный юноша! Дѣло его немедленно присоединяется къ дѣламъ о прочихъ арестантахъ камеры и образуетъ производство въ 24 тома! Начинаются проволочки въ разсмотрѣніи и различныя пререканія о подсудности... надежда на избавленіе окончательно теряется. Но и тутъ энергичный представитель правосудія, прокуроръ Долгушинъ не дремлетъ; признавъ по разсмотрѣніи дѣла, что Журавлевъ обвиняется только въ томъ, что, зная о существованіи поддѣлки денегъ, не донесъ объ ней изъ боязни мщенія со стороны товарищей г. Долгушинъ констатировалъ передъ губернскимъ начальникомъ полную законную необходимость освобожденія Журавлева въ своемъ сильномъ и рѣзкомъ представленіи отъ 15 мая 1878 г. за № 860. Точно также и ачинское окруж. пол. управ. въ донесеніи отъ 15 октября 1878 г. за № 14904., изъяснило, что Журавлевъ насколько не обвиняется по поддѣлкѣ и можетъ быть освобожденъ. Но и тутъ губернское начальство по прежнему осталось твердымъ, и вотъ: Журавлевъ въ мартѣ 1879 года скончался въ острогѣ отъ скоротечной чахотки.

*) Личность, въ высшей степени честная и добросовѣстная... Теперь наблюденія за правосудіемъ въ Енисейской губерніи принадлежать другому лицу.

*) Около 500 лагуновъ или около 12,000 пудовъ. Пушины мало.

**) Корпусъ катера состоялъ изъ простой Илимской лодки и машинки, купленной для другой цѣли, кажется для лѣсопилки.

МНОГОЗЕМЕЛЬЕ И ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ.

Помѣстивъ въ № 34 нашей газеты статью о сибирскомъ многоземельи и малоземельи и указавъ ихъ хозяйственное значеніе, мы не думали этою статью исчерпать весь крестьянскій вопросъ и причины крестьянскихъ бѣдъ. По вопросу о многоземельи мы старались указать только невѣрность предлагаемаго доселѣ метода и приема при исчисленіи сибирскаго многоземелья. Лишь при точномъ и настоящемъ изученіи хозяйственныхъ условій крестьянскаго земледѣлія возможно, по нашему мнѣнію, сказать что либо о бѣдности или богатствѣ крестьянства. Въ самыхъ терминахъ, характеризующихъ бытъ земледѣльческаго населенія, надо условиться. Сибирское многоземелье и малоземелье совѣмъ не то, что многоземелье и малоземелье губерній Европейской Россіи, а тѣмъ менѣе западной Европы. То что въ Европейской Россіи будетъ считаться многоземельемъ (принимая расчетъ на душу), то въ Сибири, при переложной системѣ хозяйства, будетъ считаться недостаткомъ и малоземельемъ. Точно то же будетъ, если мы русское трехполье станемъ измѣрять хозяйствомъ Франціи или Англии. И такъ, прежде всего терминъ этотъ условенъ по отношенію къ тому или другому способу хозяйства. Далѣе, невозможно въ мѣстности Сибири, принимая во вниманіе уже довольно заселенные округа и рѣдко населенныя пустыни, подводить подъ одну мѣрку, и мало того, въ каждой данной мѣстности надобно принимать къ свѣдѣнію почвенныя, климатическія и хозяйственныя условія. Безъ этого, разрѣшеніе вопроса объ отношеніи населенія къ землѣ будетъ поверхностно и даже прямо поведетъ къ ошибкамъ.

Въ Сибири есть мѣстности и многоземельныя, но есть и такія, гдѣ уже начинаетъ чувствоваться недостатокъ хозяйственныхъ земель и угодій при выѣшней системѣ хозяйства, и цѣнность ихъ поднимается. Это фактъ. Какъ мы говорили, напоминаніе это важно въ экономическо-хозяйственномъ значеніи при исчисленіи надѣла, оно важно при фискально-податномъ обложеніи, а также и при переселенческомъ колонизаціонномъ вопросѣ. До сихъ поръ колонизація совершалась первобытнымъ способомъ, естественно, но вполнѣ случайно, поэтому она шла неравномерно: переселенецъ садился, гдѣ ему нравилось, не обращая вниманія на сосѣда; въ одномъ мѣстѣ являлась тѣснота, черезполосица и малоземелье, въ другомъ просторъ необозримый. Сибирскія деревни въ большинствѣ растягиваются на пять верстъ, и послѣдній изъ приселившихся членовъ получаетъ пахотный участокъ за 25 верстъ. Эта неравномерность давала и даетъ себя чувствовать въ хозяйственномъ быту. Сибирь не можетъ уже считаться тѣмъ, чѣмъ она была прежде. Тамъ, гдѣ округа заселились гуще, гдѣ перелогъ прошелъ свою очередь десятки лѣтъ, самое плодородіе уменьшилось, земля стала выпахана. Это естественно-историческая и агрономическая истина. Сибирская земля не получаетъ того, что отъ нея отнято, и это истощеніе земель, несмотря на обиліе бросаемаго навоза близъ селеній не можетъ не дать почувствовать себя въ ближайшемъ будущемъ.

Но если при оцѣнкѣ многоземелья, да и вообще поземельнаго пользованія, важна, какъ мы указали, система хозяйства, то не менѣе важно знать, насколько данное хозяйство

обеспечиваетъ потребности населенія и всевозлагаемые на него налоги, тяжести и повинности. Эта вторая сторона хозяйственно-экономическаго вопроса имѣлась въ виду нами и стояла на очереди. При постановкѣ такимъ образомъ, вопроса, самое многоземелье и малоземелье отодвигается на второй планъ, а выступаетъ на сцену крестьянскій бюджетъ и податной вопросъ — вопросъ, столь же мало разработанный въ Сибири, какъ и вопросъ поземельный. Предлагаемое ниже письмо одного изъ лицъ, успѣвшихъ хорошо познакомиться съ сибирскимъ крестьянскимъ бытомъ, идетъ на встрѣчу этому вопросу.

Все, что говоритъ авторъ о податной системѣ въ Сибири, безусловно вѣрно и заявлялось уже не разъ въ мѣстной печати. Онъ доказываетъ, что при существующей системѣ обложенія повинностями, сибирскому крестьянину немыслимо никакое улучшеніе въ своемъ хозяйствѣ. Далѣе онъ приходитъ къ заключенію, что только свобода располагать землями и извѣстный просторъ многоземелья спасаютъ сибирскаго крестьянина при существующей системѣ податей и повинностей. Будь у него земли меньше, онъ не въ состояніи былъ бы относить возложенныя на него тягости*).

Это положеніе не только не противорѣчитъ нашимъ взглядамъ и выводамъ, но напротивъ служитъ еще намъ поддержкою. Наши усилія имѣли въ виду доказать, что сибирское многоземелье далеко не таково, чтобы заключать объ излишкѣ земли у крестьянина и думать объ отрѣзкѣ у него какихъ-либо угодій изъ того, чѣмъ онъ теперь пользуется. (Такія предположенія уже являлись). Во-вторыхъ сибирскій земельный надѣлъ, въ виду особыхъ свойствъ хозяйства и тяжести податной системы, долженъ измѣряться совершенно иначе, а именно — при сибирской системѣ хозяйства онъ долженъ быть гораздо болѣе. Этимъ и должна обуславливаться соразмѣрность надѣловъ какъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ для бывшихъ подзаводскихъ крестьянъ, такъ и для крестьянъ государственныхъ.

Узелъ крестьянскаго вопроса, такимъ образомъ, находится въ податной системѣ; къ ней мы и обратимся еще не разъ въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ, а теперь предлагаемъ вниманію публики присланное намъ письмо, характеризующее настоящія условія крестьянскаго быта въ Сибири.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г. г. редакторъ!

Статья "Сибирское многоземелье и малоземелье" затрогиваетъ въ высшей степени важный вопросъ не только для Сибири, но и для всей Россіи вообще. Правильная постановка этого вопроса имѣетъ для теперешняго времени такое же значеніе какъ крѣпостной вопросъ для конца пятидесятихъ годовъ. Какъ тогда были немыслимы никакія коренныя реформы отдѣльныхъ частей государственнаго строя, такъ точно и теперь всякія попытки улучшить экономическій бытъ народа или ничего не дадутъ или слишкомъ мало, пока одни будутъ утверждать, что у крестьянъ прежде всего недостаетъ земли, а другіе станутъ наоборотъ все относить

*) Всякое стѣсненіе въ земляхъ, захватъ и продажа земель въ некоторыхъ мѣстахъ именно и порождаютъ подобныя затрудненія.

въ многоземелью и его прямому послѣдствію—дурной обработкѣ земли.

Сибирь всегда считалась „золотымъ дномъ“, сначала потому что въ ней безъ числа водился дорогой соболь, потомъ настала пора добычи драгоцѣнныхъ металловъ и наконецъ въ новѣйшія времена она получила особенную цѣну какъ огромный запасный фондъ для сельско-хозяйственной дѣятельности русскаго народа.

Между тѣмъ передовая статья № 34 Вашей газеты пытается подрѣзать въ самомъ корнѣ эту вѣру въ будущее значеніе Сибири. На основаніи нѣкоторыхъ экономическихъ данныхъ упомянутая статья обращаетъ вниманіе на фактъ, возможность котораго до сихъ поръ никому и въ голову не приходила—что даже въ Сибири есть не мало мѣстностей, которыя страдаютъ отъ малоземелья. Одно это указаніе уже способно породить нѣкоторое смущеніе, тѣмъ болѣе что русскій человекъ вообще способенъ быстро переходить отъ одной крайности къ другой. Такъ и въ данномъ случаѣ озадаченный читатель, прежде принимавшій за аксіому, что Сибирь есть неисчерпаемый земельный фондъ, легко можетъ повернуть къ совершенно противоположному заключенію—что этотъ фондъ если еще неисчерпанъ, то на близкомъ пути къ тому. А тутъ еще вдобавокъ оазывается, что всѣ наши надежды и широковѣщательныя разсужденія о возможности направить въ Сибирь не сотни тысячъ, а милліоны нашего обездоленнаго крестьянства, рѣшительно ни на чемъ не основаны, имъ въ буквальномъ смыслѣ недостаетъ почвы.

Нельзя не поблагодарить автора, что онъ поднялъ вопросъ такой капитальной важности, это положительная заслуга передъ обществомъ. Но въ то же время намъ кажется что вопросъ о сибирскомъ многоземельи или малоземельи, если хотите, вопросъ очень сложный. Какъ ни важно для крестьянина количество земли, которое находится въ его пользованіи, но еще важнѣе для него условія, при которыхъ ему приходится пользоваться этой землей.

Вотъ на этой то сторонѣ сибирскихъ отношеній, имѣющей тѣснѣйшую связь съ вопросомъ о многоземельи и малоземельи, мы и позволимъ себѣ остановиться.

Говорятъ, Сибирь не знала крѣпостного права (и даже на этомъ строить нѣсколько смѣлыя надежды на ея будущее). Это вѣрно, если подъ крѣпостнымъ правомъ разумѣть лишь извѣстную специальную форму, такъ-называемое помѣщичье право. Но крѣпостное право значительно шире пустило свои корни; оно обнимало всѣ отношенія нашей жизни: что не было крѣпко помѣщикамъ, то еще не становилось вольнымъ населеніемъ—оно было крѣпко государству. Эта крѣпость главнымъ образомъ, выражалась въ томъ, что повинности въ пользу государства опредѣлялись прежде всего по соображенію потребностей государства; способность же ихъ отбывать, если и принималась во вниманіе, то лишь до извѣстной степени, но отнюдь не играла основного нормирующаго начала. Если даже привилегированное сословіе было крѣпко государству,—и эта крѣпость доходила до того, что служилый человекъ не имѣлъ права на отставку,—то нетрудно себѣ представить, какъ далеко могли заходить требованія государства, когда оно обращалось къ податнымъ массамъ.

Понимаемое въ этомъ смыслѣ крѣпостное право не только

не умерло, но именно нашему времени и приходится съ нимъ считаться на каждомъ шагѣ.

Сибирь въ этомъ отношеніи отнюдь не была счастливѣе Россіи; наоборотъ, въ ней крѣпость государству, по особымъ историческимъ обстоятельствамъ и бытовымъ условіямъ, получила еще большее развитіе, чѣмъ въ самой Россіи. Нужды Сибири были сами по себѣ до крайности велики, но, кромѣ того, приходилось отбывать еще общегосударственныя тягости. Наконецъ, прибавьте ко всему этому ту характерную окраску внутреннихъ сибирскихъ порядковъ, которая такъ мѣтко выразилась въ извѣстной поговоркѣ: „до Бога высоко, до царя далеко“. Отсюда понятно, что нигдѣ напряженность податного обложенія не достигла такой крайности, какъ въ Сибири. Вотъ гдѣ надо искать причину тугого развитія Сибири, которую, напримѣръ, далеко обогнала несравненно болѣе юная Канада, изъ всѣхъ европейскихъ колоній ближе подходящая къ ней по природнымъ условіямъ. Здѣсь же найдемъ мы и корни столь всемъ извѣстнаго сибирскаго кулачества и міроѣдства.

Кому доводилось проѣзжать по Сибири дѣтомъ, особенно въ сухую погоду, вскорѣ послѣ такъ-называемой первой „выгонки на починку дорогъ и мостовъ“, у того навсегда останется пріятное воспоминаніе. Путешественникъ ожидаетъ встрѣтить непроѣзжія дороги, кое-какъ устроенныя переправы и мосты, и вмѣсто этого видитъ очень хорошій грунтовый трактъ, мѣстами мало уступающій шоссе; прочныя мосты, сооруженіе которыхъ сдѣлало бы честь даже инженерамъ. А тутъ еще бойкія сибирскія лошади мчатъ его по 15 верстѣ въ часъ. Согласитесь, есть отчего придти въ пріятное изумленіе, есть о чемъ въ послѣдствіи не менѣе пріятно вспоминать и совершенно забыть, что какъ на станціяхъ, такъ и въ крестьянскихъ избахъ на вопросъ: нѣтъ ли щей?—почти всегда получается одинъ отвѣтъ: нѣтъ, не варили. Что же вы ѣдите?—А чай есть (кирничный)*).

Но вотъ что, разумѣется, не приходитъ въ голову случайному путешественнику; а какъ велико протяженіе всѣхъ сибирскихъ трактовъ, и затѣмъ—какъ велико то населеніе, на которое возложено содержаніе въ исправности этихъ трактовъ?

Разверните почтовый дорожникъ, и вы увидите, что общая длина сибирскихъ трактовъ переваливаетъ за 20 т. верстъ; переправамъ, мостамъ, гатамъ и т. п. сооруженіямъ на нихъ нѣсть числа. Теперь обратитесь къ статистикѣ. Если откинуть бродячихъ инородцевъ, то окажется, что какіе-нибудь 3½ мил. т. е. населеніе трехъ среднихъ по величинѣ великорусскихъ губерній, обязаны содержать въ исправности эти тракты. Притомъ, это населеніе распределено неравномѣрно; оно, вообще, убываетъ по направленію къ востоку, взамѣнъ чего увеличивается протяженіе трактовъ. „Выгонка людей“ (не правда ли, характерное выраженіе?) совершается иногда изъ-за сотенъ верстъ; причѣмъ можно подумать, что наталкиваешься на переселеніе народовъ,—такъ велики партіи снаряжаемыхъ волостями для починки дорогъ. Отправляясь на эту работу, крестьяне нерѣдко забираютъ съ собой женъ и дѣтей.

Не замѣчали ли вы, не только въ новѣйшія време-

*) Эта пѣсня тянется отъ Амура почти до Тюмени.

на, но даже когда не было введено въ Сибири теперешнее городское положеніе, что подъѣзжая къ городу, вашъ тарантасъ начинало бросать изъ стороны въ сторону, а лошади едва плелись шагомъ, хотя ямщикъ то и дѣло что подхлестывалъ ихъ? Это вы ѣхали по городской землѣ; а какъ ни слабо было городское самоуправленіе, все же немислимо было выпоротъ городского голову за неисправное состояніе дороги; съ другой стороны, представителю города нельзя было рассчитывать на полученіе особеннаго начальственнаго благо-расположенія за отличное содержаніе какихъ нибудь трехъ-пяти верстъ. Но въ волостяхъ начальство было и есть полный и во всемъ неограниченный хозяинъ, котораго контролируетъ одинъ только Богъ.

При первомъ же знакомствѣ съ Сибирью, нельзя не обратить вниманія на географическое распредѣленіе населенія, которое въ значительной степени группируется около трактовъ. Вначалѣ тутъ дѣйствовали административныя соображенія: нужно было обезпечить непрерывность сообщенія по возможно кратчайшему и удобному направленію. Эти цѣли администраціи часто шли въ разрѣзъ съ стремленіями добровольныхъ или обязательныхъ переселенцевъ, которыхъ могли манить мѣста болѣе привольныя; но въ концѣ концовъ виды административныя все-таки брали верхъ. Впослѣдствіи, вновь приходившіе переселенцы уже сами стали селиться или на трактахъ, или недалеко отъ нихъ. Это явленіе многими объясняется въ томъ смыслѣ, что близость къ тракту открывала болѣе легкій доступъ къ прибыльнымъ заработкамъ. Отчасти это такъ, но помимо этого дѣйствовали и другія причины, между которыми отнесеніе мѣстныхъ сборовъ и повинностей играло первенствующую роль. Удалиться отъ тракта—это прежде всего означало нажить себѣ усиленныя натуральныя повинности, т. е. болѣе отдаленныя путешествія на поправку того же самаго тракта, болѣе тяжелое отбываніе подводной повинности и т. п.

Потому же самому сибирскія деревни отличаются поразительною многолюдностью, — селеніе въ 100 дворовъ считается небольшимъ. Между тѣмъ, эта самая многолюдность, облегчающая отбываніе повинностей, является крайне убыточною для хозяйства. Деревня, обыкновенно, окружена выгономъ, за которымъ уже начинаются поля и покосы, причемъ ближайшіе изъ нихъ очень часто отстоятъ отъ центра деревни на 5 и болѣе верстъ. Это повело къ устройству такъ называемыхъ займочныхъ построекъ, что, разумѣется, подъ силу только состоятельному крестьянину.

На сибирскаго крестьянина, кромѣ сравнительно умѣренныхъ государственныхъ податей, отнесена цѣлая масса земскихъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, изъ которыхъ многихъ не существуетъ въ Россіи. Въ общей суммѣ, эти сборы и повинности въ нѣсколько разъ превышаютъ такъ называемыя государственныя повинности, т. е. подушную и оброчную. Въ Россіи и понятія не имѣютъ объ этой сторонѣ крестьянской жизни въ Сибири; иначе въ разныхъ переселенческихъ проэктахъ нельзя было бы встрѣтить такой странной льготы: освобожденіе переселенцевъ на извѣстный срокъ отъ казенныхъ податей и въ то же время обязательное отнесеніе мѣстныхъ сборовъ и повинностей.

Мы не приводимъ здѣсь цифровыхъ данныхъ, потому что онѣ крайне различны, смотря по мѣстностямъ, но вообще, чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ, за рѣдкими исключеніями, онѣ стано-

вятся выше. Къ тому же эта сторона сибирской жизни никѣмъ серьезно не затронута, даже нѣтъ сырыхъ необработанныхъ матеріаловъ *). Скажемъ только, что цѣна годовому паспорту, при казенныхъ сборахъ около 5 р. съ души, колеблется отъ 20 до 50 р. Даже въ Амурской области, гдѣ еще нѣтъ ни дорогъ, ни дорого стоящихъ мостовъ, нѣтъ цѣлой серіи земскихъ сборовъ, все же съ такъ называемой бойцовой души, т. е. взрослого работника, уплачивается земскихъ сборовъ отъ 6 до 15 р. въ годъ.

Чтобы судить о размѣрѣ этихъ земскихъ тягостей, намъ, кажется, достаточно сказать, что фактически одно жалованье волостному писарю иногда доходитъ до 2 р. съ души, т. е. значительно превышаетъ среднюю цифру земскихъ сборовъ въ Россіи, на тягость которыхъ такъ часто слышатся жалобы за послѣднее время. Въ извѣстныхъ кружкахъ и органахъ печати даже сдѣлалось излюбленной темой нападать на земство за непроизводительные расходы, только обременяющіе плательщиковъ. Что же должны сказать эти оппоненты земства о волостномъ хозяйствѣ въ Сибири, гдѣ одинъ сборъ на жалованье волостному писарю стоитъ дороже всего русскаго земства? Но о значеніи волостного писаря мы поговоримъ когда нибудь особо.

Говорятъ, сибирякъ много зарабатываетъ, а потому и можетъ больше платить. Съ этимъ разсужденіемъ можно было бы вполне помириться, еслибъ дѣйствительный ходъ жизни не былъ какъ-разъ наоборотъ: сибирякъ обязанъ много платить и отбывать, а потому и поставленъ въ необходимость очень много зарабатывать.

Вотъ здѣсь мы и подходимъ къ противорѣчивому вопросу о сибирскомъ многоземельи и малоземельи. Сибирскій крестьянинъ, если не забросилъ навсегда хозяйство ради заработка на сторонѣ, не можетъ вести его въ размѣрахъ великорусскаго собрата; при массѣ податей и натуральныхъ повинностей, мѣстами при поразительно низкихъ цѣнахъ на сельско-хозяйственные продукты, при періодическихъ неурожаяхъ и безкормицахъ, влекущихъ за собой рѣзкія колебанія въ цѣнахъ, онъ, чтобъ какъ нибудь свести свой бюджетъ, вынужденъ сѣять десять четвертей тамъ, гдѣ великоруссъ былъ бы достаточно обезпеченъ, еслибъ посѣялъ двѣ четверти.

Понятно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о переходѣ къ болѣе улучшеннымъ способамъ хозяйства; отсюда же вытекаетъ и разборчивость сибиряка въ отношеніи качествъ земли. Онъ не можетъ довольствоваться землями средней производительности, такъ-какъ не имѣетъ возможности тратить много времени на ихъ обработку (не надо также забывать, что сибирское лѣто значительно короче, чѣмъ въ соответствующихъ широтахъ Россіи), а еще менѣе въ состояніи позволять себѣ продолжительную подготовку земли очисткою ея отъ лѣса, лѣсной поросли, кочкарника и осушкою сырыхъ мѣстъ. Въ теперешнихъ условіяхъ для него имѣетъ цѣну только вполне удобная земля, т. е. такая, предварительный уходъ за которой состоитъ лишь въ слѣдующемъ: въ нынѣшнемъ году поднялъ новъ, а на будущій годъ уже снимай хлѣбъ.

Разумѣется, нельзя всю Сибирь принимать за удобную

*) Офіціальныя данныя по этому предмету страдаютъ неполнотой и явной несообразностью съ истиннымъ положеніемъ вещей; да офіціальная сибирская статистика мало и интересуется этимъ дѣломъ.

для заселенія, но огромное пространство считается теперь негоднымъ для сельско-хозяйственной культуры только потому, что есть земли болѣе производительныя, и что при существующей системѣ податей и повинностей немислимы приступъ къ землямъ, требующимъ значительной и дорого стоящей предварительной подготовки, на примѣръ, расчистки лѣсовъ или осушки болотъ; нѣтъ даже выгоды пускать подъ работу земли, требующія удобренія, такъ-какъ при этой системѣ пришлось бы значительно сократить посѣвъ.

Въ № 34 „Восточн. Обозрѣнія“ указаны были факты, противъ которыхъ трудно спорить, что даже въ Сибири есть мѣстности, гдѣ чувствуется сильный недостатокъ въ землѣ. Но что же эти факты доказываютъ? Искусственное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, опять же прямое послѣдствіе податной системы, основанной на круговой порукѣ, да еще при условіи, что обязательные платежи не соразмѣрены съ доходностью земли.

Авторъ строго осуждаетъ продажу земли, каковая совершалась между 60—73 гг. въ Западной Сибири. Мы съ нимъ совершенно согласны въ принципѣ по отношенію къ этому явленію и не можемъ не порадоваться, что эта продажа наконецъ остановлена. Но въ тоже время изъ ничтожности проданнаго количества земли (200,000 десятинъ за 12 лѣтъ) и крайне низкихъ цѣнъ (maximum не доходило до 10 рублей за десятину) приходимъ скорѣе къ заключенію о многоземельи, чѣмъ на оборотъ *). Не надо забывать, что въ Западной Сибири трудъ дешевъ, и уже положено начало обрабатывающей промышленности. И если при всемъ томъ лучшая земля не имѣетъ еще цѣны, то это значитъ, что ее слишкомъ много. Но само собой разумѣется, что тотъ или другой проданный участокъ могъ обездолжить живущее вблизи населеніе, да еще обязательно прикрѣпленное къ землѣ, благодаря податной системѣ.

Только многоземелье и спасаетъ сибирскаго крестьянина при существующей системѣ податей и повинностей. Будь у него земли меньше, онъ бы не въ состояніи былъ относить возложенныя на него тягости, и ему оставалось бы одно—бѣжать куда глаза глядятъ, какъ это дѣлали его предки, когда уходили изъ московскаго государства. Ужъ конечно никому теперь и въ голову не придетъ говорить о малоземельи въ 17 в. (хотя жалобы на недостатокъ удобныхъ угодьевъ и встрѣчаются въ тогдашнихъ челобитныхъ), такъ какъ сохранились историческія свидѣтельства, неопровержимо доказывающія, что „брели людишки разно“ отъ невыносимыхъ поборовъ и платежей, отъ кормленія воеводъ и другихъ служилыхъ людей,—это кормленье, только измѣнивши форму, и до сихъ поръ сохранилось въ Сибири; брели наши предки отъ недостатка правды въ судахъ и всякаго другого земскаго нестроенья,—что также до нашихъ дней составляетъ даже не изнанку, а, такъ сказать, парадный костюмъ Сибири.

Пока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, сибирскій крестьянинъ фактически свободно пользуется землей, т. е. имѣетъ въ своемъ распоряженіи неограниченное количество ея, и мы думаемъ, что всякая попытка стѣснить или уничтожить эту свободу, безъ предварительной коренной реформы

*) Въ Америкѣ, при льготныхъ условіяхъ и притомъ безъ торговъ, десятинна продается почти по 6 р. (по теперешнему курсу).

въ системѣ податей и повинностей, поведетъ къ кризису, глубокія послѣдствія котораго теперь даже трудно предвидѣть.

Въ заключеніе, чтобъ яснѣе отгѣнить мою мысль, позвольте съ дальняго востока перенестись на западъ.

Еслибы европейскій переселенецъ въ Америкѣ былъ обложенъ такими же податями и повинностями, какъ сибирякъ, то, во-первыхъ, никогда въ Америкѣ не было бы 50 мил. населенія, и во-вторыхъ, уже давнымъ давно сказался бы недостатокъ въ землѣ, какъ это теперь, къ общему недоумѣнію, оказывается въ Европейской Россіи.

Сто лѣтъ тому назадъ, періодическія голодовки, поразительная бѣдность массы крестьянскаго населенія и экзекуціонный способъ взиманія податей—были характеристичными чертами Франціи. Съ тѣхъ поръ, не смотря на медленный приростъ населенія, французское крестьянство все же значительно увеличилось; а его благосостояніе составляетъ національную гордость Франціи, основу ея блестящаго экономическаго развитія, и даетъ ей устойчивость и живучесть среди всѣхъ бурь и невзгодъ политическихъ. Гдѣ-же, спрашивается, секретъ этого волшебнаго превращенія? Поземельная площадь владѣній французскаго крестьянина не только не увеличилась за 100 лѣтъ, но даже немного уменьшилась. Но за то кореннымъ образомъ измѣнились податные платежи за эту самую землю.

Представьте же себѣ на рациональныхъ основаніяхъ выработанную податную реформу и безъ колебаній проведенную въ Сибири. Какую будущность открывала бы она сибирскому крестьянству, котораго еще со всѣхъ сторонъ окружаютъ мало затронутыя природныя богатства, и какое обширное примѣненіе открылось бы для его трудолюбія, энергіи и предприимчивости!

Л. Пантелѣевъ.

ВОКРУГЪ СВѢТА.

Экспедиція Г. Н. Потанина.

Подъ этимъ заглавіемъ мы намѣрены печатать извѣстія и письма о китайской экспедиціи Г. Н. Потанина. Мы помѣстили уже одно изъ Карльскроны. Теперь мы получили не менѣе интересное изъ Шлимута. Письмо это принадлежитъ одному изъ членовъ экспедиціи—сибиряку. Впечатлѣнія выносимыя именно сибирякомъ изъ кругосвѣтнаго морскаго путешествія намъ кажутся интересными и поучительными по той ассоціаціи идей, которую порождаетъ Западъ и европейскій міръ, отражаясь въ душѣ нашихъ земляковъ, и связывая такимъ образомъ жизнь другихъ народовъ съ нашею далекою родиною.

Шлимутъ, 1-го сентября. Въ этотъ портъ мы пришли 1-го сентября; въ то же утро, какъ мы бросили якорь, на корабль были доставлены письма офицерамъ; насъ крайне удивило это обстоятельство: первая же шлюбка, приставшая къ фрегату изъ города, захватила письма для иностранцевъ. Къ сожалѣнію газетъ русскихъ нѣтъ. Говорятъ, въ Англии обычай, что лодманъ, вызванный съ берега для ввода судна въ портъ, является всегда съ газетами. Съ нами этого не случилось только потому, что мы встрѣтились еще въ нѣмец-

комъ морѣ съ англійскимъ судномъ, на которомъ находился лодманъ, взявшійся провести насъ въ Плимуть. Офицеръ нашего фрегата въ тотъ же день привезъ съ берега газету, англійскую мѣстную, плимутскую, и только уже два дня кажется спустя былъ полученъ „Бронштадтскій Вѣстникъ“ и это единственная газета изъ Россіи, видѣнная нами до сихъ поръ, за исключеніемъ „Восточн. Обозр.“.

Мы нигдѣ не заходили въ датскій портъ, подходили только къ городу Ниборгу, чтобъ взять лодмана, который проведетъ бы насъ черезъ Б. Бельтъ. Однако иногда очень близко шли отъ берега, такъ что въ бинокль было видно не только дома, кирки, пашни, лѣсъ, но и лошадей, пасущихся на поляхъ, и пахущихъ крестьянъ. Берегъ острова Лангельланда и Ютланда гораздо мягче, чѣмъ у восточныхъ береговъ Швеціи; скалистыхъ береговъ нѣтъ; по горизонту тянутся, смѣняя одинъ другаго, холмы съ мягкими плавными контурами, иногда плоское побережье, залегающее при подошвѣ холмовъ, смѣняется ярами, въ одномъ мѣстѣ потянулись безплодные и бугристые пески, какъ будто отрывокъ Монголіи, перенесенный въ Европу. Нѣмецкое море сверхъ всякаго ожиданія встрѣтило и проводило насъ миролюбиво; оно стояло тихо, въ видѣ огромной бѣлой простыни, вызывая въ умѣ вопросъ: зачѣмъ такъ много воды? Какъ будто бы Великій Творецъ утомился на время создавать разнообразный міръ суши и онъ залилъ остальной планъ творенія однообразной водой. За день до береговъ Англій мы увидели суда англійскихъ рыбаковъ, ловящихъ въ открытомъ морѣ макрелей. Дувръ, освѣщенный электрическимъ свѣтомъ маяка, мы прошли позднимъ вечеромъ, многіе видѣли эту восхитительную, говорятъ, картину, а мы были уже въ постели. Утромъ 1-го сентября мы вошли въ Плимутскій рейдъ, гдѣ и стоимъ до настоящаго дня. Мы собрались на берегъ только на другой день, а въ первый любовались видомъ на городъ. Впрочемъ видъ на городъ съ фрегата былъ не особенно привлекателенъ; видны только сѣрыя стѣны, сложенные изъ сѣраго известняка; только въ серединѣ застроеннаго пространства на высокомъ холмѣ Ное (Хоу) стоятъ четыре зданія хорошей архитектуры, обращенныя своими красивыми фасадами къ морю; на остальномъ же пространствѣ видишь только стѣны крѣпости или заборы заводовъ и фабрикъ, изъ-за которыхъ высовываются только крыши съ трубами. Настоящій городъ прячется за Ное, въ родѣ того, какъ въ Томскѣ „Пески“ не видать изъ за Воскресенской горы съ „Кирпичей“. Видъ англійскаго портоваго города не то, что нашего русскаго, изъ котораго выскакиваютъ десятки колоколенъ; даже въ Карлскронѣ были видны шпицы и купола, здѣсь только однѣ горизонтальные коньки крышъ. Теперь, когда пишу это письмо, около фрегата, какъ-то пустынно, но въ первый день было забавно смотрѣть. Около насъ кипѣла жизнь; взадъ и впередъ быстро сновали шкуны съ трехугольными парусами, поставленными прямо, какъ острое крыло птицы; однѣ имѣли красноватые, другіе черноватые, третія бѣлые паруса; большія кунеческія суда медленно тянулись мимо насъ къ берегу; какой-то военный англійскій корабль, ходилъ мимо насъ взадъ и впередъ, продѣлывая свое ученье, много шлюбокъ подплывало къ нашему фрегату или изъ любопытства или съ какой-нибудь продажей; то и дѣло приходилось хвататься за бинокль и прилипать къ окну, чтобы рассмотреть яснѣе какой-нибудь курьезный феноменъ — или

байдарку, въ которой пловецъ запертъ по поясъ, какъ китайскій преступникъ въ ящикъ, или шлюбку, въ которой въ гребяхъ сидятъ 4 миссъ въ шляпахъ à la Rubens, а мужчины на мѣстѣ пассажировъ. — Вечеромъ поздно вернулись офицеры съ берега и утромъ мы слушали ихъ рассказы о первомъ впечатлѣніи, какое на нихъ произвелъ Плимуть. Рассказы были въ минорномъ тонѣ. Улицы, кромѣ двухъ, трехъ главныхъ, узки, темны, и грязноваты; набережная вонючая, вечеромъ по главнымъ улицамъ, которыя однѣ освѣщены, царитъ „полу-свѣтъ“, такъ что порядочной женщины нельзя проходить; извозчики пользуются невѣденіемъ иностранца и за переѣздъ до угла сосѣдней улицы берутъ рубль, а по выходѣ пассажира изъ гостинницы, увѣряютъ его, будто, входи, онъ приказалъ подождать у дверей. Иностранецъ, плохо маракующій на ихъ „птичьемъ“ языкѣ, задумывается и соображаетъ: „а чортъ его знаетъ! можетъ я хотѣлъ сказать: убирайся къ чорту! а вышло: подожди здѣсь, милый дружокъ!“ И платитъ несчастный русскій пажонъ загребистому мистеру Руку за 1½ часовое пожданье. Нашъ фрегатъ ближе всего стоитъ къ какой-то необитаемой горѣ, на которой устроена солдатская мишень. Цѣлое утро на горѣ шелъ ружейный трескъ, былъ слышенъ часто горнисть, двѣ офицерскія лошади, связанные въ сѣдлахъ, стоя на горѣ, рисовались на небѣ. Это еще болѣе было неожиданно. Какъ-то привыкли считать Англію самой правильной страной, совершенно незнакомой съ разными Бомарзундами, Омсками, Петровсками, фортами Перовскими и пр. Ужасно хотѣлось скорѣе на берегъ, чтобы самому взглянуть на городъ, т. е. на настоящую Англію. Но и 2 сент. намъ не удалось попасть въ городъ; въ компаніи съ капитаномъ и офицерами мы были приглашены на вечерній чай къ адмиралу Стюарту (Sire W. Houston Stewart), начальнику здѣшняго порта. Такимъ образомъ вмѣсто „улицы“, на которую я такъ рвался, я попалъ въ „чопорную“ Англію. Къ удивленію я чувствовалъ себя въ гостяхъ у адмирала не совсѣмъ дурно. Небольшой холодокъ морозилъ, правда, сердце, но ходилъ я изъ угла въ уголь, изъ залы въ садъ, изъ сада въ чайную довольно смѣло, дефилируя между густой толпой леди, морскихъ офицеровъ, шотландскихъ стрѣлковъ и пр. Если мы и не заглянули въ глубь домашней жизни англичанъ, то все-таки теперь видѣли въ какой виѣшной обстановкѣ они живутъ. Адмиралъ простеръ свою любезность до того, что показалъ намъ почти всю свою квартиру, да и вашему слугѣ, азіату, своей внимательностью такъ облегчилъ положеніе, что онъ толкался въ чайной и заѣдалъ чай кѣкомъ съ такимъ душевнымъ спокойствіемъ, какъ будто это происходило не на берегу Ламанша, а гдѣнибудь въ Тюмени у хлѣбосольнаго земляка. 3 сентября наконецъ и намъ удалось попасть въ городъ. Обогнувъ вышеупомянутый Ное, мы вошли въ заливъ, по берегу котораго тянутся сначала Коммерческая набережная (Commercial Quay), а за тѣмъ Barbiken-Quay. Это все равно, какъ бы по Ушайкѣ въ Тюмени, обогнуть Обрубъ и пристать къ набережной „Болота“. Barbiken-Quay любимый предметъ изображенія у мѣстныхъ художниковъ, какъ мы потомъ убѣдились, попавъ на художественную выставку въ мѣстномъ Атенеумѣ.

(Продолженіе будетъ).

ЦИВИЛИЗАЦІЯ ДИКАРЕЙ.

(По поводу статьи «Просвѣщенный язычникъ» въ газетѣ «Новости»).

(Ф Е Л Ь Е Т О Н Ъ).

Отношеніе насъ, русскихъ, къ инородческому вопросу и инородческой судьбѣ, не разъ характеризовалось въ «Восточномъ Обозрѣніи». Съ одной стороны, мы весьма восприимчивы оказались къ теоріи исторической неизбежности въ вопросѣ вымиранія инородца, и готовы оправдать этотъ фактъ велѣніемъ судьбы, историческою необходимостью, причемъ виновниками всего готовы признать самихъ же инородцевъ, не имѣющихъ силы отстоять себя. Во вторыхъ, въ качествѣ расы высшей мы привыкли уже весьма развязно и безцеремонно относиться ко всѣмъ практическимъ сторонамъ инородческой жизни. Вопросъ у насъ ставится иногда весьма круто: «сдавайся, обращайся, становись осѣдлымъ, перенимай нашъ образъ жизни, или капуть тебѣ. На то есть теорія вымиранія!»

Я не говорю здѣсь объ отношеніи къ инородцамъ и другимъ народностямъ государства и всего народа, напротивъ на почвѣ законодательной и исторической, мы найдемъ не мало доказательствъ терпимости и равноправности, нѣтъ! мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ упрощенныхъ примѣмахъ нашихъ пионеровъ и quasi — цивилизаторовъ. По взрѣнію людей, зарѣшившихъ сразу вопросъ о расахъ, племенахъ и національностяхъ, всматриваться въ жизнь, въ культуру, вѣрованія разныхъ племенъ рѣшительно не стоитъ, а надо дѣйствовать только съ энергіей и сознаниемъ собственного преимущества. Что за важность, что предъ нами цѣлые миліоны, какъ непроницаемый слой разныхъ племенъ и нарѣчій, которыхъ мы незнаемъ; насъ не смущаетъ ихъ замкнутость, вѣковая жизнь, особая культура. Другихъ одинъ Туркестанъ съ его вѣковой тюркской, мусульманской цивилизаціей могъ озадачить, но мы не задумываемся надъ привычками жизни номадовъ, надъ экономической жизнью инородца, его оригинальной культурой, его умственнымъ складомъ, не пробуемъ достигнуть взаимнаго пониманія, это вещи для насъ или второстепенныя или легко достижимыя. Съ этой стороны я только дивлюсь иногда находчивости нашихъ путешественниковъ, незатрудняющихся иногда сразу покончить съ инородческими племенами словомъ «необразованная орда», какъ и находчивости нашихъ окраинныхъ цивилизаторовъ ташкентцевъ, которые отлично усвоили на какую потребу сія орда создана. Но испытывалъ гордость, я все таки иногда смущаюсь, когда при разрѣшеніи инородческаго вопроса не практическаго, а научнаго и теоретическаго, при всѣхъ сознанныхъ нами преимуществахъ и непогрѣшимости, мы испытываемъ нѣкоторый конфузъ, или, говоря словами гоголевской дамы, «неожиданный пассажъ».

Такое чувство испыталъ я, прочтя на дняхъ опубликованный на весь свѣтъ въ «Новостяхъ» рассказъ одного изъ російскихъ образованныхъ людей, путешествовавшего на югъ Россіи и, столкнувшись съ инородцами, вздумавшаго просвѣтить ихъ, а засимъ и сообщить въ газетахъ плоды своихъ знаній и размышленій. Вотъ сущность этого рассказа.

Нѣкій туристъ путешествуетъ до Астрахани съ ученою или цивилизаторскою цѣлью — неизвѣстно. Подъѣзжая къ этому городу, онъ видитъ на правомъ берегу Волги калмыцкій

«куруль» (хуруль?), храмъ, по его объясненію, вокругъ котораго небольшой поселокъ. Китайскій вкусъ постройки, очень походилъ, по мнѣнію путешественника на сельскую церковь, (?) но безъ креста. Путешественникъ сидѣлъ усталый въ каютѣ, когда ему сообщили, что на палубѣ калмыки, и предложили повидать ихъ.

Группа инородцевъ въ семь человекъ пріютилась въ носовой части палубы, пишетъ онъ. Одни сидѣли на корточкахъ, другіе стояли, прислонившись къ борту или массѣ канатовъ, лежавшихъ здѣсь же. Изрѣдка перебрасывались они словомъ-другимъ, а больше сосредоточенно-серьезно молчали. Крово-красная хламида, золотая парчевая шапка, рѣзко выдѣляли гилюнга *) изъ этой группы. Не менѣе рѣзко выдѣлялся и другой калмыкъ. Онъ одѣтъ былъ въ европейское платье, — очень хорошо говорилъ по-русски, чрезвычайно развязно держалъ себя; но обликъ его былъ совершенно азіатскій. Общепонгольскій складъ лица бросался въ глаза оттопыренными ушами, рѣзко угловатыми скулами и черными, какъ смоль, волосами. Подъ чернотью природнаго загара, все лицо его какъ будто обито было какимъ-то густымъ жиромъ. Оно блестѣло на солнцѣ; блестѣли и черные азіатскіе глаза его... Это былъ Дикъ Бадмаевъ. Онъ гораздо болѣе гилюнга заинтересовалъ туриста.

— Какъ это вы такъ хорошо говорите по-русски? спрашиваетъ онъ.

— Да какъ же? я долго учился.

— Гдѣ?

— Въ классической гимназій и уже окончилъ курсъ.

Подошли и другіе пассажиры. Всѣ начали по немногу разспрашивать ученаго дикаря о жизни его въ городѣ, объ ученіи, о семействѣ его. Онъ вѣжливо отвѣчалъ на предлагавшіеся ему вопросы, довольно бойко рассказывалъ обо всемъ. Собратья его слушали внимательно, но участія въ разговорѣ принять не могли по незнанію русскаго языка.

По разговорѣ Бадмаева, по всей виѣшности его, видно было, что молодой человекъ глубоко черпнулъ изъ колодезя школьной премудрости, многое узналъ и надъ многимъ уже задумывался.

Бросивъ пассивную роль молчаливаго слушателя, я принялъ участіе въ разговорѣ, говорить путешественникъ.

— Скажите, пожалуйста, — вы православный? — спросилъ я его по-просту.

Бадмаевъ внимательно взглянулъ на меня и съ отгѣнкомъ не то гордости, не то какой-то досады, или же признанія всей важности предложеннаго вопроса, — рѣзко отвѣчалъ мнѣ:

— Нѣтъ, я — язычникъ и поклоняюсь идоламъ.

Никто изъ слушателей не ожидалъ такого отвѣта. Это было сюрпризъ, какъ видно, и для самаго туриста. Какъ и что за идолы нашъ путешественникъ въ разспросъ не вошелъ, а прямо обратился къ обращенію инородца на путь истины.

— Странно: неужто, получивъ такое образованіе, вы можете оставаться при прежнихъ вашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ? стыдилъ онъ его, но къ удовольствію получилъ, представьте, слѣдующій отвѣтъ.

— Одинъ ученый грекъ на такой вопросъ давно уже далъ очень умный и категорическій отвѣтъ. Часто и я повторяю его. Долгъ гражданина, прежде всего, повиноваться законамъ своего отечества. Я повинуюсь имъ и — спокоенъ: больше для меня ничего не нужно.

— Да, но взгляните на вопросъ съ другой стороны: у каждаго же есть стремленіе къ истинѣ.

— Мало имѣю я данныхъ для самостоятельныхъ выводовъ, боюсь рѣшать, боюсь, что не справлюсь... отвѣчаетъ дикарь.

*) Гилюнгъ жрецъ. Выбираются они изъ калмыковъ, самыхъ застарѣлыхъ въ обрядностяхъ и обычаяхъ. Гилюнгъ почти никогда не знаетъ русскаго языка, дѣлаетъ адѣсь путешественникъ ученый комментарий.

Очевидно, рѣчь была не по душѣ калмыку. Она свелась на разговоръ о калмыкѣ-офицерѣ Золотой роты *), о калмыкѣ-докторѣ: Бадмаевѣ слышалъ про нихъ, немного знаетъ ихъ.

Черезъ нѣсколько времени разговоръ возобновился, и, какъ путешественникъ увѣряетъ болѣе откровенно, началась у насъ бесѣда нѣсколько другаго рода. Мнѣ хотѣлось узнать, что онъ за человекъ въ смыслѣ общаго развитія? Умственный горизонтъ его сложился по общему шаблону классической гимназіи. Заваленный по горло классическими занятіями, онъ—самъ сознается—мало читалъ. Скучность начитанности такъ и бросается въ глаза. Теперь онъ разсчитываетъ со-всѣмъ погрузиться въ чтеніе. Мы перебрали почти всѣ учебные предметы гимназіи, поговорили о каждомъ изъ нихъ, хотя очень бѣгло, поверхностно. Не буду занимать вниманіе читателей этимъ разговоромъ. Скажу прямо: Бадмаевъ далеко ушелъ отъ собратій своихъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, далеко—и отъ того калмыченка, который учился въ начальной школѣ, и несравненно дальше еще отъ тѣхъ, которые и въ наши дни первобытно кочуютъ еще по приволжскому раздолью, грабятъ, рѣжутъ другъ друга и упорно противодѣйствуютъ всякимъ попыткамъ цивилизаціи вліять на ихъ міровоззрѣніе. Онъ хорошо сознаетъ всю несостоятельность ордынскаго управленія, ненормальность положенія и притязаній зайсанговъ **). Унылыми стопами своими, хватающими за сердце, трогаетъ его пѣсня кочеваго калмыка, но трогаетъ, какъ памятникъ отжившей народности,—не болѣе; мало онъ придаетъ значенія прошедшей славы—отголоску минувшихъ вѣковъ, который звучитъ иногда въ пѣснѣ, и еще менѣе—надеждамъ на будущее величіе...

— Такъ неужто вы можете съ такими взглядами на жизнь имѣть три, четыре... семь женъ? убѣждалъ путешественникъ.

— Конечно, нѣтъ: довольно и одной“.

— Вотъ вамъ одна изъ несообразностей вашей религіи. Поищите внимательно и найдете новыя. Гилюнги ваши разсказываютъ какъ-нибудь о сотвореніи міра?

— „Да, и очень похоже на ваши библейскія сказанья. Я часто бывалъ на урокахъ закона Божія у священника и знаю богослуженіе православныхъ, священную исторію“.

— Ну, вотъ и можете сравнить эти разсказы съ вашими. Разницу увидите ясно.

Въ концѣ этого убѣжденія нашего цивилизатора инородецъ, однако, отвѣтилъ слѣдующее:

— Мнѣ надо много поработать, чтобы сдѣлать окончательный выводъ. Чтобы сдѣлаться православнымъ, надо и жить по-христіански. А многіе изъ васъ живутъ хуже насъ, которыхъ называютъ язычниками. Это-то и отталкиваетъ многіхъ отъ христіанства. Священники ваши называютъ гилюнговъ—грабителями; но мы хорошо знаемъ, что и они не изъ однихъ добродѣтелей сшиты. У насъ встрѣчаются иногда миссіонеры, но и о нихъ лучше не говорить...»

Далѣе путешественникъ, будто бы со словъ образованнаго калмыка сообщаетъ слѣдующія новости объ этомъ народѣ.

Самые закостѣлые, самые упорные язычники, по словамъ моего собесѣдника,—гилюнги. Это—усердные сожигатели жертвъ и толкователи воли боговъ, какъ сказалъ бы старый Гомеръ; они же единственные доктора у калмыковъ. Пользуясь нѣкоторымъ умственнымъ превосходствомъ своимъ, они, дѣйствительно, могутъ «драть шкуру» съ простодушныхъ дикарей. Я видѣлъ только одного гилюнга и онъ мнѣ очень не понравился: совершенно разбойничья рожа. Само со-бой разумѣется, что по-русски онъ ни слова.

Языкъ калмыковъ очень скуденъ; литературы онъ не имѣетъ. Переводъ на него Евангелія вышелъ, по словамъ Бадмаева, уродливымъ. Трудно говорить онъ, понять смыслъ книги на этомъ языкѣ европейскіхъ дикарей-послѣдней; трудно это даже тѣмъ, которые знаютъ оба языка, а о массѣ и говорить нечего. Гилюнги охотно занимаются языкомъ тибетскимъ и въ немъ, пожалуй, сильны. Гилюнгъ не трудно поспорить съ профессоромъ этого языка. Понятно, что гилюнгъ не уступитъ въ спорѣ, какъ не уступитъ ра-

*) Надо замѣтить, что въ золотой ротѣ никакого калмыка нѣтъ, а есть въ казакахъ.

Ред.

**) Зайсангъ—благородный. Это потомки старинныхъ владѣтельныхъ семей, попрежнему управляющіе народомъ, собирающіе съ него «дань».

скольничій начетчикъ въ спорѣ о двуперстномъ сложеніи, хожденіи по-солонь и т. п. Бадмаева интересуется этотъ языкъ. Ему хочется съѣздить современемъ въ глубь Азии, побывать въ буддійскихъ обителяхъ ея, взглянуть внимательно въ догматику язычества, одну изъ отраслей котораго составляетъ калмыцкая религіозная обрядность и подѣлиться своими наблюденіями со своимъ народомъ. Молодой человекъ уже пробовалъ свои силы въ переводахъ на калмыцкій языкъ. Онъ остановился на литературныхъ произведеніяхъ, блестящихъ богатѣйшими образами восточной фантазіи. „Наль и Дамаянти“, въ переводѣ Жуковскаго, „Рустемъ и Зорабъ“, подходятъ къ его вкусу.

Передавая эту бесѣду съ „цивилизованнымъ дикаремъ“, нашъ путешественникъ удивляется, какъ до сихъ поръ не проникло къ нимъ христіанство. Бесѣда съ калмыкомъ, уже получившимъ образованіе, и отвѣты его, какъ видно, убѣдили его въ легкости этого обращенія. Въ заключеніе, этотъ поразительный фактъ язычества калмыковъ заставляетъ его придти къ слѣдующему выводу:

Русскихъ часто обвиняютъ во многихъ неправдахъ по отношенію къ инородцу. Особенно ихъ часто обвиняютъ въ религіозной нетерпимости. Но всѣ эти обвиненія оказываются напрасны. Вотъ доказательства.

Портреты калмычатъ-язычниковъ, учащихся въ классической гимназіи красовались на русскомъ педагогическомъ отдѣлѣ на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ, причемъ европейцы чрезвычайно интересовались ими, такъ какъ это былъ, если не единственный, то рѣдкій примѣръ язычества въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Европы. Иностранцы дивились, какъ въ предѣлахъ Европы, въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ ея (Астраханской губерніи?), существуетъ еще язычество и русскіе гуманно терпятъ его.

Прочтя все это, я признаюсь самъ поразила этимъ фактомъ и задумался. Мнѣ пріятно было слышать отъ указанного туриста о нашей гуманности и терпимости, а съ другой вмѣстѣ съ этимъ цивилизаторомъ мнѣ ужасно захотѣлось искоренить это язычество. Кой чортъ! у нихъ эти гилюнги „съ разбойничьими рожами всѣмъ заправляютъ“,—думалъ я. Какъ разъ въ то время, когда я находился подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, зашелъ ко мнѣ одинъ монголистъ, хорошо знавшій монгольскую и калмыцкую народность.

— Скажите пожалуйста,—сказалъ я:—отчего мы язычниковъ въ Астраханской губерніи не обратили въ христіанство, заправляютъ тамъ какіе то гилюнги?

— Да гдѣ же вы узнали, что въ Астраханской губерніи язычники? Ихъ тамъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ! Неудобно ли прочесть?

Знакомый мой прочелъ.

— Что же?—отвѣтилъ онъ:—приходится пожалѣть о позваніяхъ автора и его невѣжествѣ. Гилюнги это—ламы. Разговаривалъ проѣзжій не съ язычникомъ, а съ буддистомъ. Буддистовъ съ опредѣленной философійю, весьма высокой и древней, едва ли возможно смѣшивать съ первобытными религіями идолопоклонства, послѣднія есть шаманизмъ. Авторъ видимо смѣшалъ это. Зная буддизмъ и высоту этого ученія, понятно, почему христіанство встрѣчаетъ препятствіе въ философійи и буддистской литературѣ.

— Позвольте, здѣсь написано, что литературы у нихъ нѣтъ.

Мой знакомый расхохотался. Нѣтъ у буддистовъ литературы! Кто же этому повѣритъ? Не только есть, да еще какая литература!

— Но вѣдь у нихъ по семи женъ!—воскликнулъ я въ видѣ аргумента!—припомнивъ прочитанное.

Я услышалъ новый смѣхъ.

— Шигемуни, основатель буддизма, вовсе запрещаетъ бракъ своимъ послѣдователямъ. Зонхава, преобразователь буддизма и основатель той секты, которую исповѣдуютъ калмыки, сдѣлалъ уступку народной слабости, дозволивъ бракъ, какъ сожитіе мужчины съ женщиной, но не позволилъ для сего никакихъ церковныхъ обрядовъ. Калмыки никогда не имѣютъ у себя даже двухъ женъ. Все это здѣсь наврано.

— Однако, какъ же это наблюдатель то введенъ былъ въ заблужденіе?

— Очень просто, надъ нимъ подсмѣялись. Развѣ вы не видите изъ отвѣтовъ, данныхъ ему?

— Можетъ ли быть! воскликнулъ я, это низшая то раса подшутила? Но вѣдь мы портреты язычниковъ посылали на всемірную выставку и тамъ дивились.

— Очень немудрено. Если бы мы сказали, что это буддисты, значительная доля удивленія исчезла бы. Въ Индіи, у англичанъ, масса буддистовъ получаетъ воспитаніе даже въ университетахъ, что же тутъ удивительнаго!

— Хорошо, положимъ въ Индіи, но и у насъ гуманная терпимость хоть къ тому же буддизму. Надѣюсь, вы представите намъ хоть этимъ гордиться?

— О терпимости мы не будемъ говорить. У насъ на Востокѣ есть факты различные. Множество инородцевъ-шаманистовъ преслѣдуются. Шаманы ихъ гонятся, но отъ этого мы мало выигрываемъ, ибо прежде всего дикарь боязливъ и бѣжитъ отъ насъ. Мы не умѣли еще расположить къ себѣ населеніе.

— Но пусть пропадаетъ язычество, когда мы распространяемъ христіанство! сказала я.

— Да, если бы такъ, сказалъ мнѣ знакомый, но знаете ли вы, что въ прошломъ столѣтіи на югѣ Сибири буддизмъ былъ почти не развитъ, это было для насъ поприще изъ язычества буряты обратили въ христіанство. По незнанію нашему инородческаго быта, мы допустили ламъ, которые и обратили нашихъ буряты въ буддизмъ на нашихъ глазахъ. Бывали буряты начальники и депутаты, которые, принимая присягу на своемъ языкѣ, клялись распространять буддизмъ. Буддизмъ распространялся такъ быстро, что когда мы владѣли бурятами въ 1741 г., то у нихъ было всего 11 доцановъ (приходовъ) и 150 ламъ (жрецовъ). Число это было утверждено комплектнымъ, но въ 1831 г. оказалось у насъ буддистовъ 85,000 и ламъ 3,514, въ 1831 г. было уже буддистовъ—125,000 и 4,546 ламъ. Въ 1835 г. правительство пробовало, правда, положить предѣлъ распространенію буддизма, но ужъ было поздно. Замѣчательно, что то евангеліе, о которомъ здѣсь говорится, прекрасно переведено, но не было признано по случайности Его, переведенное на монгольскій литературный языкъ, послали когда то въ Иркутскую губернію для опыта къ бурятамъ, дѣйствительно язычникамъ, т. е. шаманистамъ, и понятно, что тѣ, не обладавъ грамотностью, не поняли ничего. До буддистовъ же буряты евангеліе не дошло. Вышло прискорбное недоразумѣніе. Далѣе, вотъ любопытный фактъ, который представляетъ исторія. Въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія около Селенгинска явились англійскіе миссіонеры, они жили 20 лѣтъ, основали библіотеку, монгольскую типографію, сдѣлали превосходный переводъ библіи на монголь-

скій языкъ, обучали буряты ремесламъ и обратили около 3,000 въ христіанство. Къ сожалѣнію, въ началѣ 40-хъ годовъ, они были высланы изъ Забайкалья, одинъ изъ нихъ перенесъ свою дѣятельность на Зондскіе острова *). Буддизмъ, между тѣмъ, дѣйствовалъ энергично. произошло ли это отъ вѣротерпимости и гуманности или отъ чего другаго я не берусь рѣшать. Мнѣ кажется, что все это происходитъ оттого, что мы, толкуя о своей расовой высотѣ, не знаемъ вовсе ни инородцевъ, ни ихъ вѣрованій, и даже не умѣемъ подступитъ къ нимъ.

— Но позвольте, какъ же вы объясните то, что мы прочли въ газетахъ?

— Да тѣмъ, вѣроятно, что газета желала показать этимъ разговоромъ какое невѣжество по отношенію къ инородцамъ существуетъ у нашихъ образованныхъ людей.

— Признаюсь, не ожидалъ!

Семилюжскій.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Глава новаго болгарскаго министерства Цанковъ радикалъ и личность, сознающая необходимость поддерживать дружественныя отношенія съ Россіею. При составленіи новаго кабинета, военнымъ министромъ назначенъ русскій генералъ Лѣсовой,—сторонникъ австрійской политики. Уполномоченный Россіи въ Болгаріи Юнинъ объяснилъ Цанкову, что назначеніе это не можетъ состояться безъ согласія на то русскаго правительства. Въ Софіи съ нетерпѣніемъ ждутъ извѣстія благосклонно или нѣтъ отнесетъ Петербургъ къ назначенію Лѣсоваго. Что касается до болгарскаго народнаго представительства, то оно пришло къ заключенію, что районъ дѣятельности военнаго министра долженъ быть сокращенъ. Оно предложило командованіе болгарскими войсками князю Александру, оставивъ въ рукахъ министра одну хозяйственную часть, чѣмъ лишаетъ военнаго министра какой бы то нибыло политической дѣятельности. По мнѣнію нѣмецкихъ газетъ русское правительство разрѣшитъ Лѣсовому принять предложенный ему постъ, въ видахъ того, чтобы не подать повода къ толкамъ о разрывѣ Россіи и Болгаріи. Послѣ рѣшенія вопросовъ о желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ и о расходахъ по окупации русскими войсками Болгаріи народное собраніе будетъ закрыто на мѣсяць. Князь Александръ въ это время займется смотромъ войскъ.

— Во Франціи король испанскій, Альфонсъ, вѣсколько разъ былъ оскорбленъ преслѣдованіемъ толпы съ шиканьемъ, свистками и криками: долой прусскаго уланскаго полковника! Въ назначеніи Альфонса шефомъ уланскаго полка французы видятъ доказательство союза, заключеннаго между испанскимъ и нѣмецкимъ правительствами. Союзъ этотъ оскорбителенъ для Франціи, такъ какъ отношенія между нею и Испаніею были всегда дружественныя. Появленіе испанскаго короля въ Парижѣ и почести отданныя ему при въѣздѣ въ этотъ городъ еще разъ оскорбили и національное чувство и республиканскій духъ французовъ, а все вмѣстѣ взятое вызвало уличную демонстрацію. Французское

*) См. Сибирскіе инородцы въ XIX ст. Шашкова Историч. Этюды кн. II, ст. 238 и Записки Восточи. Сибири. Отдѣлъ Географич. Общества 1878 г.

правительство, напротивъ, старалось загладить непріятное впечатлѣніе въ король Альфонсъ и было любезно. На банкетѣ, данномъ въ Елисейскомъ дворцѣ, испанскій король сидѣлъ между супругою и дочерью президента Гречи. На банкетѣ присутствовали всѣ министры, за исключеніемъ военнаго и земледѣлія. Гречи былъ при орденѣ золотого руна. Депутаты требуютъ скорѣйшаго созыва палаты ради обсужденія—факта встрѣчи короля и правительствомъ и народомъ. Военный министръ Тибоденъ вышелъ въ отставку.

— Въ Испаніи были чрезвычайно встревожены оскорбленіемъ короля въ Парижѣ. По прибытіи Альфонса въ Мадридъ происходило по этому поводу совѣщаніе министровъ подъ предсѣдательствомъ короля. Результаты этого совѣщанія пока не извѣстны, но испанское правительство потребовало, чтобы виновники демонстраціи были преданы суду. Испанскія газеты нападаютъ на французское правительство за то, что оно не приняло должныхъ мѣръ къ предупрежденію скандала и высказываютъ, что наоборотъ въ Мадридѣ испанскіе солдаты охраняютъ зданіе, гдѣ помѣщается французское посольство, въ видахъ предупрежденія могущихъ произойти контръ демонстрацій.

— Изъ Сербіи идутъ извѣстія самаго разнорѣчиваго характера. По однимъ свѣдѣніямъ скупщина не признаетъ желѣзнодорожной конвенціи и потому будетъ распущена — по другимъ министерство выходитъ въ отставку и юный кабинетъ ради солидарности съ палатою будетъ составленъ изъ радикаловъ.

— Въ Вѣнѣ стараются сдѣлать видъ, что внутри государства все обстоитъ благополучно и что небольшіе безпорядки, происшедшіе въ послѣднее время, не имѣютъ серьезнаго значенія. А между тѣмъ, стычки между войсками и народомъ продолжаются, много убитыхъ и раненныхъ. Изъ Хорватіи возстаніе перешло въ Далмацію, въ виду предстоящаго рекрутскаго набора, который всякій разъ вызываетъ въ странѣ волненіе. Въ Босніи и Герцеговинѣ появились шайки возстанцевъ. Въ Вѣнѣ говорятъ, что болгарскій князь Александръ прибудетъ туда инкогнито для совѣщанія о дѣлахъ ввѣренной ему страны. Нѣкоторыя газеты пророчатъ замѣну, со временемъ, князя Александра княземъ Петромъ Карагеоргиевичемъ, какъ человекомъ популярнымъ между болгарами и протезируемымъ Россіею. Прибывшіе въ Вѣну хорватскіе депутаты венгерскаго сейма, заявили министру президенту, что они до тѣхъ поръ не примутъ участія въ преніяхъ мадьярскаго парламента, пока въ Хорватіи не будутъ восстановлены дѣйствія конституціонныхъ положеній.

— Турецкій фельдмаршалъ Мухтаръ-паша присутствуетъ на маневрахъ германскихъ войскъ. Ему кстати поручено передать германскому правительству предложеніе о заключеніи союза между Турціею, Германіею и Австро-Венгеріею. Въ данномъ случаѣ султаномъ руководило то обстоятельство, что прѣхавшій въ Константинополь лордъ Дюфферинъ настойчиво требуетъ введенія реформы въ Арменіи, и что англійская эскадра приблизилась къ Константинополю на случай необходимой поддержки доводовъ англійскаго лорда.

— По поводу того, что свиданіе русскаго императора съ королемъ Вильгельмомъ не состоится, вѣмецкія газеты говорятъ, что въ такомъ свиданіи нѣтъ надобности, потому что дружба двухъ императоровъ на столько прочна, что не требуетъ подтвержденія новыми свиданіями, и что для германскаго императора было бы слишкомъ утомительно дальнее путешествіе для этого свиданія.

красовались вѣнки съ надписями И. С. Тургеневу отъ различныхъ обществъ и корпорацій.

Послѣдовало въ полицейскихъ газетахъ слѣдующее объявленіе с.-петербургскаго градоначальника.

На день назначеннаго на Волковомъ кладбищѣ погребенія тѣла умершаго писателя Тургенева с.-петербургскимъ градоначальникомъ сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Съ утра на Волково кладбище никто не будетъ допускаемъ, кромѣ распорядителей и могущихъ быть въ этотъ день другихъ похоронныхъ процессій; 2) на вокзалъ варшавской желѣзной дороги, кромѣ духовенства, официальныхъ лицъ и распорядителей никто не допускается. Для прѣзда означенныхъ лицъ на вокзалъ назначается путь по Измайловскому проспекту, черезъ Варшавскій мостъ; 3) Измайловскій проспектъ отъ 3-й роты до Варшавскаго моста и варшавскій мостъ будутъ съ утра закрыты для обыкновенной ѣзды и вагоновъ, а мостъ, кромѣ того, и для пѣшеходовъ; 4) для лицъ, участвующихъ въ шествіи, при вѣнкахъ, назначается прѣздъ по Забалканскому проспекту, чрезъ Ново-Московскій мостъ, на набережную Обводнаго канала, гдѣ они устанавливаются для шествія распорядителями; легковые извозчики, вагоны конно-желѣзной дороги чрезъ Ново-Московскій мостъ не пропускаются; 5) сообщеніе съ вокзалами варшавской и балтійской дорогъ, съ утра до ухода съ варшавскаго вокзала процессіи, устанавливается по набережной Обводнаго канала, чрезъ Петергофскій мостъ, на Ново-Петергофскій проспектъ; 6) по пути слѣдованія погребальной процессіи публика должна оставаться на тротуарахъ и во избѣжаніе нарушенія порядка шествія отнюдь не присоединяться къ погребальной процессіи. Около вокзала и по набережной Обводнаго канала до Ново-Московскаго моста, гдѣ будутъ установлены участвующіе съ вѣнками, публика вовсе не допускается; 7) съ утра будетъ закрыта для проѣзда и для пѣшеходовъ (кромѣ похоронныхъ процессій) Разстанная улица; 8) при приближеніи погребальнаго шествія по набережной Лиговки къ Разстанной улицѣ, слѣдуетъ въ означенную улицу по направленію къ кладбищу лишь по 6 человекъ при каждомъ вѣнкѣ и лица, имѣющія билеты для входа въ церковь. Всѣ прочія лица, участвующія въ шествіи, направляются чрезъ Разстанную мостъ на другую сторону Лиговки, ни въ какомъ случаѣ не скопляясь на мосту или за мостомъ, во избѣжаніе задержки всего шествія. Публика, слѣдующая за печальной колесницей, останавливается на набережной Лиговки и въ Разстанную улицу не допускается. Лица, имѣющія билеты, обязаны ихъ предъявлять въ этомъ мѣстѣ чинамъ полиціи; 9) въ церковь безъ билета никто не допускается. Лица, вошедшія на кладбище при вѣнкахъ (по 6 человекъ), занимаютъ мѣста по указанію распорядителей; 10) во время шествія, на всемъ пути слѣдованія, прекращается ѣзда въ экипажахъ и движеніе вагоновъ конно-желѣзныхъ дорогъ, а боковыя улицы и мосты черезъ Лиговку должны быть загорожены рогатками. На означенныхъ мостахъ стоять не дозволяется; 11) по улицамъ, закрытымъ для обыкновенной ѣзды, имѣютъ право проѣзда только лица, снабженные на этотъ предметъ билетами, которые должны быть на шляпахъ у кучеровъ; 12) экипажи лицъ, снабженныхъ таковыми билетами и слѣдующихъ къ Волкову кладбищу, останавливаются у Разстанной улицы, а лица, занимавшія экипажи, по предъявленіи билетовъ для входа въ церковь, приглашаются слѣдовать пѣшкомъ по Разстанной улицѣ до кладбища. Экипажи устанавливаются вдоль Лиговки по указанію полиціи. Безъ билетовъ для входа въ церковь никто въ Разстанную улицу не допускается. Духовенство слѣдуетъ въ экипажахъ до кладбища, а затѣмъ экипажи устанавливаются въ Разстанномъ переулкѣ; 13) за позднимъ временемъ, по окончаніи церемоніи погребенія, въ тотъ день публика на кладбище допущена не будетъ; 14) для сохраненія порядка, соотвѣтствующаго значенію печальной церемоніи, с.-петербургскій градоначальникъ, генералъ-лейтенантъ Грессеръ, приглашаетъ всѣхъ лицъ, участвующихъ въ печальной церемоніи, и присутствующую публику, не вступая ни въ какія пререканія, строго подчиняться всѣмъ требованіямъ чиновъ полиціи.

— Распорядительный комитетъ по похоронамъ опубликовалъ слѣдующій порядокъ процессіи при вѣнкахъ, при похоронахъ И. С. Тургенева: 1) Отъ крестьянъ И. С. Тургенева; 2) с.-петербургское ремесленное общество; 3) сиб. мѣщанское общество; 4) общество распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи; 5) сиб.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Распорядительный комитетъ по похоронамъ И. С. Тургенева опубликовалъ, что гробъ покойнаго писателя прибудетъ въ С.-Петербургъ 27 сентября въ 10 час. 20 мин. утра.

Во многихъ окнахъ цвѣточныхъ магазиновъ въ Петербургѣ

еврейская община; 6) общество покровительства животных; 7) мастерская учебных пособій; 8) с.-петербургскіе типографы; 9) вспомогательная касса наборщиковъ; 10) книгопродавцы и издатели; 11) книгопродавческая складчина; 12) с.-петербургская врачебная община; 13) общество охраненія народнаго здоровья; 14) женщины-врачи; 15) общество русскихъ врачей; 16) комитетъ грамотности; 17) комиссія народныхъ чтеній; 18) комиссія по техническому образованію; 19) бакинское отдѣленіе технического общества; 20) отъ русскихъ женщинъ-почитательницъ поэта; 21) отъ императорскаго общества поощренія художествъ; 22) товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ; 23) академики академіи художествъ; 24) императорская академія художествъ; 25) льское общество; 26) общество архитекторовъ; 27) импер. вольное экономическое общество; 28) сиб. юридическое общество; 29) земская учительская школа; 30) отъ новгородской александровской земской учительской школы; 31) учителя и учительницы начальныхъ городскихъ училищъ; 32) учителя и ученики воздвиженскаго городского училища; 33) преподаватели гатчинскаго института; 34) бывшіе ученики сиб. реформатскаго училища; 35) реформатское церковное училище; 36) училище церкви св. Анны; 37) счетоводные курсы; 38) драматическая школа сиб. общества любителей сценическаго искусства; 39) рисовальная школа барона Штиглица; 40) рисовальная школа императорскаго общества поощренія художествъ; 41) петербургскій учительскій институтъ; 42) отъ гимназіи императорскаго человеколюбиваго общества; 43) новгородское реальное училище; 44) 1-е с.-петербург. реальное училище; 45) 2-е с.-петербургское реальное училище; 46) мужская гимназія Гуревича; 47) рижская Александровская гимназія; 48) Введенская гимназія; 49) гимназія филологическаго института (Васильевскій островъ); 50) счетоводные курсы; 51) первая гимназія; 52) вторая гимназія; 53) третья гимназія; 54) Ларинская гимназія; 55) пятая гимназія; 56) шестая гимназія; 57) седьмая гимназія; 58) десятая гимназія; 59) реальный лицей Стокальскаго; 60) императорскій александровскій лицей; 61) императорское училище правовѣднія; 62) льской институтъ; 63) московская петровская академія; 64) отъ технологическаго института; 65) студенты харьковскаго ветеринарнаго института; 66) студенты горнаго института; 67) студенты института гражданскихъ инженеровъ; 68) студенты института путей сообщенія Императора Александра I; 69) императорская военно-медицинская академія; 70) вѣжинскій историко-филологическій институтъ; 71) кіевскій университетъ св. Владимира; 72) студенты казанскаго университета; 73) студенты новороссійскаго университета; 74) студенты императорскаго филологическаго института; 75) студенты с.-петербургскаго университета; 76) совѣтъ дерптскаго университета; 77) совѣтъ кіевского университета; 78) совѣтъ с.-петербургскаго университета; 79) кіевская женская гимназія Ващенко-Захарченко; 80) одесская женская гимназія; 81) орловская женская гимназія; 82) женская гимназія квягини Оболенской; 83) женская гимназія г-жи Гедда; 84) женская гимназія г-жи Стоюниной; 85) маріинская женская гимназія; 86) Васильевская женская гимназія; 87) Литейная женская гимназія; 88) Александровская женская гимназія; 89) Петровская женская гимназія; 90) Екатерининская женская гимназія; 91) Рождественская женская гимназія; 92) коломенская женская гимназія; 93) высшіе женскіе курсы; 94) слушательницы кіевскихъ женскихъ курсовъ; 95) бестужевскіе курсы; 96) педагогическіе женскіе курсы; 97) женскіе врачебные курсы; 98) женскіе врачебные курсы николаевскаго госпиталя; 99) отъ курсовъ музыки Раппофа; 100) самарское музыкально-драматическое общество; 101) с.-петербургское общество камерной музыки; 102) императорское русское музыкальное общество (московское отдѣленіе); 103) московская консерваторія; 104) императорское русское музыкальное общество (с.-петербургская отдѣленіе); 105) с.-петербургская консерваторія; 106) филармоническое общество; 107) харьковская оперная труппа; 108) артисты императорской вѣмецкой труппы; 109) артисты императорскаго французскаго театра; 110) артисты русской оперы; 111) артисты петербургскихъ императорскихъ театровъ; 112) артисты московскихъ импер. театровъ; 113) одесское славянское благотвор. общ.; 114) эстонское литературное общество; 115) пушкинскій кружокъ; 116) общество любителей русской словесности; 117) корреспонденты иностранныхъ вѣмецкихъ газетъ; 118)

«Petersburger Zeitung»; 119) «Herold»; 120) «Journal de St.-Petersburg»; 121) «Сибирскія газеты»; 122) «Край»; 123) «Арцаганъ»; 124) «Мшакъ»; 125) кавказская печать: «Бакинскія Извѣстія», «Каспій», «Терекъ», «Кавказъ»; 126) одесскія газеты: 127) «Московскій Листокъ»; 128) «Другъ женщинъ»; 129) «Русскій Курьеръ»; 130) «Русскія Вѣдомости»; 131) «Русская Мысль»; 132) «Юридическій Вѣстникъ»; 133) «Народная Школа»; 134) «Игрушечка»; 135) «Здоровье»; 136) Газета Гатцука; 137) «Осколки»; 138) «Стрекоза»; 139) «Искусство»; 140) «Портретная галерея»; 141) «Художественный Журналъ»; 142) «Всемирная Иллюстрація»; 143) «Иллюстрированный Миръ»; 144) «Нива»; 145) «Россия»; 146) «Петербургскій Листокъ»; 147) «Петербургская Газета»; 148) «Восточное Обозрѣніе»; 149) «Здоровье»; 150) «Минута»; 151) «Эхо»; 152) «Сынъ Отечества»; 153) «С.-Петербургскія Вѣдомости»; 154) «Новости»; 155) «Наблюдатель»; 156) «Дѣло»; 157) «Недѣля»; 158) «Отечественныя Записки»; 159) «Историческій Вѣстникъ»; 160) «Новое Время»; 161) отъ жителей Стрѣльны; 162) отъ города Баку; 163) отъ восточныхъ сибиряковъ; 164) отъ Ташкента; 165) отъ поляковъ города С.-Петербурга; 166) отъ болгаръ; 167) николаевское городское управление; 168) новгородская городская управа; 169) новгородское земство; 170) новгородская губернская земская управа; 171) отъ самарскаго городскаго общества; 172) отъ города Тифлиса; 173) отъ одесской городской думы; 174) общество русскихъ драматическихъ писателей; 175) общество пособия нуждающимся литераторамъ и ученымъ; 176) императорская академія наукъ; 177) предводитель дворянства С. Петербургской губерніи; 178) московская городская дума; 179) с.-петербургское городское управление.

Распорядители при погребеніи тѣла И. С. Тургенева заявили, что рѣчи будутъ говорить слѣдующія лица: въ церкви послѣ панихиды: священникъ Соколовъ; на могилѣ: ректоръ с.-петербургскаго университета А. Н. Бекетовъ, Д. В. Григоровичъ и А. М. Плещеевъ.

— 27-го сентября похороны совершились. На разстояніи пяти верстъ до волкова кладбища публики скопилось до 150 тысячъ. Процессія двигалась, какъ было указано. Кромѣ перечисленныхъ вѣнковъ множество было другихъ. Колесница была завалена ими. Порядокъ нигдѣ не нарушался и церемонія имѣла грустный и благоговѣйный характеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. Съ портретомъ. ЦѢНА 25 КОП.

Адресъ: Литейная, 35, кв. 23. Выписывающимъ по жонѣ 10 экз. уступается 25%.

СТУДЕНТЪ Университета желаетъ получить уроки математики или древнихъ языковъ, а также беретъ письменныя занятія. Адресовать въ Ред. «Восточн. Обозр.»., Поварской пер., д. 5.

Здоровые кэфирные грибки для постояннаго домашняго приготовленія настоящаго коровьяго кумыса (съ подробнымъ наставленіемъ), высылаются 6 драхмъ сухихъ за 4 р. 50 к.,—3 драхмы 2 р. 50 к., меньше не высылаются. Казань, Рыбнорядская ул., д. Степановой, въ Кэфирное заведеніе. Петру Ив. Неволину.